

женным вниманіем слѣдили за ними. А бойцы вторично столкнулись; вторично нанесли по удару.

Послѣ второго полученнаго удара руки и ноги у Шара на минуту онѣмѣли, потом ослабѣли и мелко и часто начали дрожать.

У Дада от второго удара Шары правая нога выскочила из стремена и он едва не спустился с коня.

— Проклятый старик; как еще бьет; третьим ударом уж, конечно, выкинет меня из сѣдла — думал он, поворачивая обратно.

— Молодец, сынок! хорошо бьешь! «Хорошій ты мужчина», ты будешь мой достойный преемник первенства — громко заговорил вдруг Шара, приближаясь к Дада и протягивая руку в знак мира.

— О! мой старый брат! еще двадцать лѣтъ не дождетесь соперника себѣ; крѣпки ваши руки, еще могучи удары, — искренно заговорил Дада с удовольствіем тряся руку грознаго старика, радостный счастливым исходом опасной встрѣчи.

— «Старшій брат!» прошу Вас ко мнѣ на чашку водки — пригласил он старика.

— Правильно, сынок! — отвѣтил Шара, и оба врага, без злости заговорили, затянули пѣсню старины и направились к хатну. За ними послѣдовали и остальные.

— Эй! прими от стараго брата его коня, да

проси его в хату, да поднеси ему с пѣсней чашку водки троекратно! — крикнул женѣ Дада, подѣзжая к своей землянушкѣ.

— Прошу и вас, братцы, пожаловать ко мнѣ на чашку водки с пѣсней моей жены — приглашал он и остальных.

Жена его была извѣстная в хстонѣ пѣвица; каждому она поднесла с особой пѣсней.

Потом взяла она из-за печки грубо сдѣланную балалайку с двумя жильными струнами и через минуту полились, посыпались из-под ея проворных пальцев четкіе мотивы калмыцкой плясовой.

Началась очередь танцев...

К вечеру мужчины обоих хот-нов поскакали в третій, гдѣ пировали всю ночь. Только на третій день разѣхались табунщики по своим х-т-нам т. к. на четвертый день нужно было приступить к своим обычным работам у табуна в степи.

«Эх! хорошо бы сейчас жить в своей станицѣ, там свободные люди гуляют десять суток, не то, что мы нанятые — говорили они, собираясь в табун.

В длинные зимніе вечера, в холодном и дымном «джулумѣ», под вой степного бурана, прошедшій праздник долго будет темой для разговоров.

1928 г. февраль.

С. Балыков.

Судьба Калмыков, бѣжавших с Волги. Карашарское ханство.¹⁾

В 1630 г. на Волгу прикочевала из Средней Азии во главѣ с Хо-Орлѣком орда западных монголов в составѣ нѣскольких родственных племен,²⁾ извѣстных у нас под общим названіем калмыков. Пришельцы покинули свои прежнія кочевья — Джунгарію — и явились в Россію отчасти вслѣдствіе внутренних междоусобій среди отдѣльных князей Западно-Монгольскаго Союза, а главным образом, под влияніем стремленія найти для своих пастбищ новыя свободныя мѣста. Достигнув Волги, калмыки заняли степныя пространства по нижнему ея теченію и, совершенно не считаясь с тѣм, что они поселились на русской территоріи, предприняли цѣлый ряд набѣгов на города Поволжья.

Отношенія, создавшіяся между калмыками и Россіей, долгое время остаются весьма неопредѣленными. Несомнѣнно, что русское правительство с самаго начала стремилось заставить калмыков признать суверенитет русской государственной власти и фактически подчиниться ей, но от болѣе или менѣе рѣшительных дѣйствій в отношеніи этих безпокойных степняков оно находило нужным воздерживаться, опа-

саясь вызвать обратный побѣг калмыков в Джунгарію и, слѣдовательно, потерять их. Что же касается калмыков, то они в отношеніи русскаго правительства держались обычной политики кочевников — опортунизма, сообразно этому, то изъявляли покорность Россіи, то нападали на русскіе караваны и русскіе города, то завязывали сношенія с Пекинским Двором, высказывая ему свое недовольство русскими властями³⁾ а на ряду со всѣм этим сохраняли самую живую связь со всѣми джунгарскими сородичами, поддерживали их военные замыслы и во всякую минуту были не прочь, смотря по обстоятельствам, повоевать и с Россіей, и с Китаем.

При наличности этих общих условій в образѣ дѣйствій калмыков, при их сравнительной многочисленности, подвижности и воинственности у русскаго правительства оставалось слишком мало средств для того, чтобы удерживать кочевников в повиновеніи и подчиненіи, не прибѣгая к крутым мѣрам, и потому в теченіе долгаго времени оно ограничивалось лишь тѣм, что разными путями и способами, до угрозы военной силой включительно, поддерживало желательнаго ему претендента на ханскій тронъ всякій раз, как послѣ смерти или сверженія

¹⁾ Составлен этот очерк на мѣстѣ по разсказам калмыков и их Хана и личным наблюденіем давно умершим учеником проф. В. Л. Котвича — Б. Долбетовым около 1910—11 г.г. Очерк этот был напечатан в одном из изданій генеральнаго штаба, но секретно и почти никому неизвѣстен. В настоящее время его прислал проф. Львовскаго университета В. Л. Котвич для журнала «Улан Залат». (Редакція.)

²⁾ Торгутов, дербетов, хошутов, зюнгар и хойтов.

³⁾ В 1714 г. Хан Аюка безвѣдома и согласія русскаго правительства принял китайское посольство в Пекина, причем открыто заявил китайцам о своем расположеніи к Россіи.

хана на почвѣ об'явленія ему преемника между калмыками начинались разногласія и раздоры. Такой политики русское правительство держалось болѣе 100 лѣтъ, пока, наконец, выведенное из терпѣнія безпокойным поведеніем калмыков, не пришло к сознанию необходимости наложить на них свою руку. Было рѣшено, во-первых, ограничить ханскую власть и, во-вторых, преобразовать калмыцкое народное управленіе Зарго, поставив его в зависимость от русских властей.

Намѣченная правительством реформа вызвала среди калмыков сильное волненіе. Единодушное стремленіе сохранить свою независимость и свободу охватило всѣх — от князей до послѣдняго бѣдняка — и было так велико, что побудило калмыков рѣшиться на крайне рискованный шаг, который стоил гибели половины из них и поставил их в условія, по их же собственному признанію, безусловно тяжкія сравнительно съ тѣми, какія могли ожидать их в Россіи. Калмыки рѣшили бѣжать в китайскіе предѣлы, надѣясь встрѣтить радушный прием со стороны китайскаго правительства. Послѣдующія событія доказали, что в этом отношеніи судьба оказалась болѣе благосклонною к калмыкам, т. к. ко времени их возвращенія в Китай Китайское Правительство как раз закончило покореніе Джунгаріи, причем почти поголовно истребило джунгарских кочевников, и затѣм, озабоченное колонизаціей обезлюженной страны, охотно принимало в Джунгарію всяких переселенцев, представляя им лучшія мѣста.

В 1771 году калмыки, кочевавшіе по лѣвую сторону Волги, бѣжали из Россіи и направились к озеру Балхашу.¹⁾ Если бы не случившійся в это время разлив Волги, помѣшавшій переправѣ кочевников с праваго берега, то, вѣроятно, в Китай ушли бы всѣ калмыки. Но Волга задержала часть из них, и русское правительство успѣло принять мѣры к предотвращенію дальнѣйших побѣгов. Высланная за бѣглецами погоня имѣла с ними нѣсколько стычек, но возвратилась ни с чѣм: 33 тысячи юрт успѣли уйти, уведа с собой послѣдняго Хана Батыр-Убуши.²⁾

Обратный поход калмыков в Джунгарію был очень неудачен. Уйдя от преслѣдованія русских войск они достигли озера Балхаша и здѣсь подверглись цѣлому ряду враждебных дѣйствій со стороны киргизов. По преданію,³⁾ в первую же ночь по прибытіи на Балхаш нѣсколько десятков тысяч калмыков погибли напившись воды из озера, куда киргизы будто бы успѣли набросать отравы. Трудно судить, насколько преданіе соответствует истинѣ, т. к., во-первых, отравлять воду в таком озерѣ как Балхаш, не легко, а, во-вторых, из того же озера пользовались водою и сами киргизы, которые, слѣдовательно, в равной мѣрѣ рисковали соб-

ственной гибелью. Вѣроятно же всего между калмыками распространилось какое-нибудь эпидемическое желудочное заболѣваніе на почвѣ употребленія в походѣ сырой воды, к чему калмыки и вообще монголы не привычны, п. ч. обыкновенно сырой воды не пьют; а так как эпидемія совпала с пребываніем калмыков на Балхашѣ, гдѣ столкнулись с киргизами, то наивные кочевники и поспѣшили выставить причиною несчастья коварство своих врагов.

Задержанные киргизами калмыки постояли на Балхашѣ около 4-х лѣтъ. Безпрестанныя стычки с киргизскими отрядами, болѣзни и тяжести походной жизни вырывали из рядов калмыков массу жертв и орда их постепенно таяла. Будущія отношенія к китайскому правительству в случаѣ благополучнаго прибытія в Джунгарію оставались невыясненными; призрак потери независимости не допускал мысли о возвращеніи назад; положеніе кочевников день ото дня становилось серьезнѣе. Необходимость дальнѣйшаго движенія вперед была очевидной, а между тѣм киргизы все сильнѣе и сильнѣе наседали со всѣх сторон, не давая возможности спокойно продолжать кочевку и заставляя все время держаться в оборонительном положеніи.

В это трудное для калмыков время из их среды два энергичных храбрых воина: Джингійн-батыр (князь) и Джава-батыр,¹⁾ которые рѣшают судьбу дальнѣйшаго похода и благополучно приводят калмыков в Джунгарію. Преданіе (устное) слѣдующим образом характеризует событія, относящіяся к этому времени. Хан Батыр-Убуши слишком молод и неопытен для того, чтобы руководить дальнѣйшим походом. Он сознает серьезность момента и боится прежде всего за свою жизнь, а потому Ум лает обоим витязей помочь ему защитить его от киргизов и в награду за это сулит всякія льготы, почет, уваженіе. В частности Джава-батыр'у Хан обѣщает прощеніе 12 проступков, совершенных богатырем за время пути до Балхаша. Джингійн-батыр и Джава-батыр дают хану слово сражаться за него до послѣдней капли крови. Они воодушевляют калмыцких воинов, составляют план генеральнаго сраженія с киргизами, наносят послѣдним рѣшительный удар и, являя чудеса храбрости, прорываются вперед, послѣ чего предводительствуемая своими доблестными богатырями калмыцкая орда благополучно достигает Джунгаріи. Это было в 39 году правленія Тенгри-Теткуксен (1772?).

Утомленные продолжительным походом и постоянными стычками с врагами, калмыки, вступив в предѣлы своей прежней родины, заботились только о том, чтобы как нибудь устроиться на удобных мѣстах и пожить спокойно. Поэтому, когда в Джунгаріи их встрѣтила китайская армія, они поспѣшили из'явить покорность Китаю и просили оказать им покровительство. В отвѣтъ на это послѣдовал Богдыханскій указ, в котором предписывалось принять калмыков «с примѣрным челоб'колюбіем». Калмыкам отвели для кочевій обширныя пространства и дали им разныя льготы; за Ханом и князьями были утверждены их наслед-

1) Оба торгуты.

¹⁾ Торгуты и хошуты; почти всѣ дербеты остались на Волгѣ.

²⁾ Батыр-Убуши — потомок Аюки Хана, торгут по происхожденію; во время бѣгства ему было около 13 лѣтъ.

³⁾ Здѣсь и имѣю в виду устное преданіе, почерпнутое из разсказов свѣдущих торгуютов, главным образом князей и чиновников.

ственные права, причем Богдыхан пожаловал им китайские титулы.

Китайское правительство оказало калмыкам такой радушной сравнительно прием далеко не из-за «сострадания» к безприютным бѣглецам, а лишь по той причинѣ, что намѣренія калмыков поселиться в Син-зянг¹⁾ вполне соответствовали его интересам. Послѣдствія джунгарскаго погрома еще слишком ярко сказывались на жизнь разоренной войной страны. Недочетов было очень много. Между прочим, за недостатком в краѣ кочевников, некому было заниматься скотоводством и оно быстро падало. В недалеком будущем Синг-дзянг²⁾ грозил недостаток продовольствія, п. ч. колонизація его все разваливалась, а население и войска имѣли в своем распоряженіи очень мало скота и занимались исключительно земледѣліем. При таких условіях прикочевка в Джунгарію калмыков-скотоводов с их стадами как раз отвѣчала нуждам «Новаго Китая», т. к. обеспечивала ему постоянный обширный мясной рынок.

Учитывая это обстоятельство, китайское правительство приняло калмыков очень охотно. Но, поступая так, оно, конечно, хорошо помнило послѣднія кровавыя событія в Джунгаріи, связанныя с именем знаменитаго джунгарскаго повстанца Амур-Сана и по опыту прекрасно знало, каким безпокойным элементом населенія являются кочевники и какую грозную силу представляют они, обединившись под знаменем борьбы за независимость; а почему, принимая калмыков в Син-дзянг и давая им всякія льготы и преимущества, оно одновременно стремилось создать для них такія условія, при которых прежде всего возможность возстанія понижалась до минимума, а затѣм открывалось бы свободное поле для дѣятельности, направленной к закрѣпощенію пришельцев. Этим стремленіем проникнуто было китайское правительство во время размѣщенія калмыков по кочевьям; оно же легло в основу его дальнѣйшей политики в отношеніи кочевников.

Все пришедшіе с Волги калмыки были разбиты на нѣсколько групп; каждая отдѣльная группа составила особый, независимый от сосѣдей, самостоятельный сейм под предсѣдательством старшаго из вошедших в группу князей; каждому сейму были отведены для кочевій отдѣльные участки в различных мѣстностях Син-дзянга. В результатѣ вся пришедшая с Волги калмыцкая орда, до сих пор представлявшая один союз под главенством торгутскаго хана, раздѣлилась на 6 сеймов³⁾, разбросанных по всей Джунгаріи. Т. о. китайским правительством одновременно было достигнуто с одной стороны политическое распаденіе кал-

¹⁾ Послѣ завоеванія Джунгаріи китайцами она была обращена в китайскую провинцію под названіем «Ган-су-син-дзянг» или просто «Син-дзянг», т. е. «Новая Линія».

²⁾ Собственно говоря, официалаго дѣленія на сеймы первоначально не существовало; было только распредѣленіе калмыков по группам; группы различались по дорогам; группа «Южной дороги», «Сѣверной дороги» и т. д.; за каждым князем числилось по одному хошуну. Сеймовое устройство фактически существовало, но официально явилось позднѣе, причем ранѣе установленное дѣленіе на группы сохранилось и легло в основу его.

мыцкаго союза, а с другой — территориальное разобщеніе бывших его членов.

Слѣдующим мѣропріятіем китайцев в том же направленіи явилась переработка внутренняго состава каждаго сейма. Поход и боевыя невзгоды, причинившіе калмыцкой ордѣ громадныя потери, различно отозвались на численности ее отдѣльных частей. В то время как одни хошуны и сумуны сохранили почти все своих членов, другіе потеряли их болѣе половины, а нѣкоторые, пострадали настолько, что в них оставалось всего лишь по нѣсколько человек. Велѣдствіе этого китайское правительство признало желательным заново произвести комплектованіе хошунов, и сумунов, что и было приведено в исполненіе.

Многіе сумуны были уничтожены совершенно и пошли на пополненіе других; наиболѣе многолюдные были раздроблены и образовали новые сумуны; той же участи подверглись и болѣе крупныя составныя единицы дѣленія кочевников — хошуны; подобно сумунам многіе из них были уничтожены; состав других рѣзко измѣнился. Прямим послѣдствіем этой перетасовки явилось распаденіе того цемента, которым обуславливалась внутренняя сплоченность отдѣльных элементов орды, исторически спаянных между собою узамі родового начала. Исчезал сумун или хошун — и вмѣстѣ с ним исчезали старыя традиціи, старыя личныя и имущественныя связи, старыя тѣсныя отношенія; общность интересов вновь образованных единиц была чисто формальной, искусственной, вынужденной: новым хошунам и сумунам предстояло просуществовать очень долго прежде чѣм создать себѣ новыя тѣсныя связи и заново сплотиться в одно цѣлое.

Перекраиваніе внутренняго состава калмыцкой орды, являясь по существу своему радикальной реформой, слишком глубоко затронуло жизнь кочевников и потому с самаго начала могло вызвать в их средѣ недовольство и броженіе. Необходимо было замаскировать и смягчить ее, чтобы усыпить или отвлечь настроженное вниманіе кочевников и таким образом избѣжать возможных на первых же порах столкновеній с ними. В этих видах китайское правительство нашло нужным допустить в пользу калмыков извѣстныя компенсаціи. Прежде всего калмыки были освобождены от податей в китайскую казну, что было особенно важным, т. к. по понятіям кочевников уже одно это являлось основным признаком политической независимости; на ряду с этим все образовали отдѣльныя вассальныя княжества под протекторатом Китая с самой широкой внутренней автономіей; территорія, отведенная каждому сейму, считалась уступленной ему на вѣчныя времена.

Как ни призрачны были эти компенсаціи, в виду отсутствія у кочевников каких либо гарантій за то, что со временем у них не будут отняты все их привилегіи, — тѣм не менѣе успѣх политики китайцев был вѣ сомнѣніи, т. к. сдѣланныя им уступки вполне отвѣчали особенно дорогой для кочевников идеѣ свободы. Цѣль китайскаго правительства была достигнута: оно заручилось полным довѣріем калмыков.

над которыми только что произвело очень выгодную для себя радикальную политическую операцию, и теперь спокойно могло проводить свой план их постепенного закрѣпощенія. В самом дѣлѣ: вмѣсто огромной сплоченной орды, которую еще не так давно, пользуясь ея бѣдственным положеніем, оно имѣло возможность в лучшем случаѣ ограбить и разсѣять, если не нашло нужным из государственных соображеній сберечь ее, и которая, сохранив свою цѣлость, впоследствии всегда могла бы причинить ему массу хлопот и вызвать самыя тяжелыя осложненія жизни Син-дзянг'а, — китайское правительство имѣло теперь перед собой ряд хотя и полунезависимых, но за то разобщенных территориально и политически мелких сеймов, искусно ослабленных и дезорганизованных и, благодаря этому, представлявших из себя величины политически ничтожныя.

Болѣе выгодную конъюнктуру для своей дальнѣйшей работы в указанном выше смыслѣ китайцы едва ли могли создать при наличности всѣх окружавших их условій. Успѣхи, достигнутые китайцами за промежуток времени, отдѣляющій нас от описываемых событій, лучше всего подтверждают, что политика их в отношеніи калмыков с точки зрѣнія интересов Пекина велась с самаго начала вполне рационально и в настоящее время достигла намѣченной цѣли. В сущности политика эта ничего новаго не представляла; приемы ея давно уже были выработаны Китаем за время его многовѣковой жизни бок о бок со всевозможными кочевниками; в общих чертах она сводилась къ слѣдующему.

Подчинив своему вліянію тѣх или других кочевников, китайцы прежде всего стремились достигнуть разобщенія и отчужденія между правящими классами и простым народом, чтобы затѣм поочередно забрать их в свои руки. Лучшим помощником для них в этом дѣлѣ служило тщеславіе кочевых князьков. От имени Китайскаго Императора им жаловались различныя китайскія титулы, право входа в Пекинский Двор, раздавались почетныя курмы,¹⁾ шарикки и павлиньи перья на шапки; все это кружило головы наивных кочевников, питая в них довольную призрачную увѣренность в их «связях» с самым Китайским Богдыханом. Китайцы прекрасно понимали слабую струнку честолюбивых князей и, чтобы еще больше усилить в них стремленіе приблизиться къ Пекинекому Двору, вызывали среди них соревнованіе на этой почвѣ, устанавливая в наградах и пожалованіях многочисленныя степени.

Занявъ вниманіе князей титулами и шариками, китайцы начинали постепенно прибирати их къ рукам. Одним из первых средств для достиженія этой цѣли являлось составленіе особой таблицы, расписанія очередей,²⁾ гдѣ указывалось, какое мѣсто занимает тот или иной князь в іерархической лѣтницѣ, ведущей къ подножію Богдыханскаго трона. Создавался таким образом юридическій документ, освящавшій установленный порядок «придворнаго подчиненія».

а так как впереди всѣх имен в каждой таблицѣ непременно стояло имя ближайшаго дзянг-дзюн'я, как мѣстнаго представителя центральной власти, то этим самым устанавливалось его главенство над вереницей кочевых вассалов того или другого сейма. Правда, на первых порах главенство это имѣло только виѣшній характер, т. к. табель предусматривала лишь сроки и порядок представленія князей ко двору, но если прибавить, что одновременно с изданіем табелей раз'яснялся и порядок официальных сношеній князей с Пекином через тѣх же дзянг-дзюн'ей, то становится ясным, что этим самым создавалось уже формальное подчиненіе князей мѣстным представителям военно-инородческаго управленія.¹⁾ Князья сами обыкновенно спѣшили перенести это подчиненіе на практическую почву, давая дзянг-дзюн'ям возможность вмѣшиваться в их внутреннія дѣла, т. к. стали постоянно обращаться къ этим сановникам за разрѣшеніем возникавших среди них споров и таким образом зависимость их от дзянг-дзюн'ей дѣлалась фактической, освященной рядом прецедентов.

Чтобы еще больше подчеркнуть подчиненное положеніе кочевых князей, Пекин под видом награды выдавал им ежегодное жалованье из Богдыханской казны, причем размѣры этого жалованья в нѣкоторых случаях доходили до такой ничтожной суммы, что оно вполне могло быть названо простой подачкой.²⁾

В конечном результатѣ постепенно создавалось слѣдующее положеніе. Князья соперничали друг съ другом титулами, шариками и прочими знаками дарованных Пекином достоинств и отличій, получали от Богдыхана жалованіе как обыкновенныя чиновники, ссорились друг съ другом, судились у дзянг-дзюн'ей, ѣздили в Пекин и разорялись на эти поѣздки; одновременно начинали сказываться послѣдствія значоства с комфортом и роскошью пекинских дворцов и дзянг-дзюн'ских помѣщеній: князья мѣняли свои юрты на «байшин'ы» (постоянныя постройки), заводили китайскую мебель, украшали свои помѣщенія китайскими бездѣлушками, начинали ѣздить в экипажах и носилках и привыкли къ китайским кушаньям и напиткам. Новые поглощавшіе князей интересы и их новыя привычки и вкусы были совершенно чужды простому народу и лишь вызвали с его стороны осужденіе и недовольство, т. к. все возрастающіе расходы князей на поѣздки в Пекин, на подарки и подкупы китайских чиновников при судбищах у дзянг-дзюн'ей, на устройство и обстановку княжеских резиденцій в китайском вкусѣ и т. п. всею тяжестью ложились на народныя плечи и выражались постоянным увеличеніем размѣра податей в княжескую казну.

Прежняя простота и близость в отношеніях

¹⁾ У меня имѣется табель, составленная для Син-дзянг'ских калмыков; она озаглавлена: «Илійн харіту торгут хошутійн хан ван, байле, байсе, гун джасын, тайджи нарийн джимийн джасын». (Погодная табель для подвѣдомственных Кульдѣж торгутских и хошутских хана, ванг'ов, байле, байсе джасын'ов и тайджи).

²⁾ Так, напримѣр, карашарейн торгутскій джасын получает в год двѣ имбы серебра или 100 лан, что на русскія деньги составляет в настоящее время около 150 рублей.

¹⁾ Верхняя одежда — куртка, халат.

²⁾ Джасын.

между князьями и простым народом, при таких условиях, конечно, утрачивались и в противоположность им появлялось постепенно возросшее взаимное отчуждение. Изнѣженные, избалованные и испорченные, благодаря знакомству с чисто внѣшними сторонами китайской цивилизации и культуры, снѣдаемые своим мелким честолюбием и тщеславием, князья уже не могли или не хотѣли понимать всей серьезности создававшегося положенія и совершенно не заботились о необходимости добросовѣстнаго и корректнаго отношенія к питаемому их простому народу. Внѣ вопроса об исправной уплатѣ податей послѣдній оказывался предоставленным своей участи и, сознавая себя брошенным в одиночество своими естественными защитниками и руководителями, конечно, не умѣл и не мог протестовать, когда китайцы, послѣдовательно продолжая свою политику, распространяли на него дѣйствіе изданнаго Пекином кочевого кодекса, извѣстнаго под именем «Хао-ли»; хотя этот кодекс и был составлен примѣнительно к правам и обычаям степняков и хотя содержаніе его во многом было почерпнуто из законодательства тѣх же степняков, однако, самый факт его созданія и приведенія в дѣйствіе китайцами как бы упразднялъ все самостоятельно выработанная кочевниками начала обычнаго и писаннаго права,¹⁾ которыми до сих пор регламентировалась кочевая жизнь. Все это именно так и принималось кочевниками и, конечно, дѣйствовало на их національное самосознаніе угнетающе.

Между тѣм политика закрѣпощенія продолжалась. Постепенно суживались границы внутренней автономіи кочевников путем сокращенія круга подвѣдомственных кочевым властям судебных и административных дѣл и передачи их вѣдѣнію китайских чиновников. Если раньше сеймы могли видѣть своих начальников только в лицѣ дзянг-дзюней, то с теченіем времени им постепенно приходилось имѣть дѣло уже с болѣе мелкими китайскими властями — с начальниками областей и даже уѣздными чиновниками, которые, становясь обычно на почву случайных прецедентов, шаг за шагом неотступно шли вперед на пути вмѣшательства во внутренніе порядки кочевников. Смѣшанныя дѣла между кочевниками и осѣдлым населеніем служили самой благопріятной почвой для такого вмѣшательства. Иногда кочевники пассивно подчинялись домогательствам мѣстной китайской администраціи, иногда протестовали и доводили вопрос до Пекина, но из протестов их обыкновенно выходило мало толку, т. к. дѣло неуклонно затягивалось, а между тѣм та или другая опротестованная мѣра мѣстных властей, тот или другой их прием продолжали примѣняться «впредь до разрѣшенія вопроса Пекином» и с теченіем времени, имѣя за собой давность, получали все признаки существующаго порядка вещей и закрѣплялись сами собой.

Таковы в общих чертах основные приемы политики Китая в отношеніи всех подвластных

ему монгольских племен. И цѣль, и смысл этой политики выступают еще рельефнѣе, если только набросанную картину ея освѣтить указаніем на одну чисто психологическую черту, придающую отношеніям китайцев к кочевникам особый характерный оттѣнок.

Китайская народная мудрость создала слѣдующую весьма нелестную для монголов пословицу: «Ши-гэ да-дза, дзю-гэ дзей», т. е. «Из десяти монголов-девять мошенники». Пословица эта получила самое широкое распространеніе и в ней лежит объясненіе постояннаго высокомернаго-презрительнаго обращенія в Западном Китаѣ с кочевниками, усвоеннаго народными массами вообще и китайскими властями в особенности.

Факт этот общезвѣстен, но справедливость требует замѣтить, что если сами монголы и способствовали появленію вышеприведенной пословицы, то во всяком случаѣ третировать их за это отнюдь не пристало именно провинціальным китайским властям, найти среди которых честнаго в европейском смыслѣ чиновника так же трудно, как и бѣлую ворону.

Изложенное выше характеризует степную политику Китая в ея первом, так сказать, подготовительном періодѣ. Что касается дальнѣйших шагов китайцев в дѣлѣ закрѣпощенія кочевников, то они обыкновенно приобрѣтают все болѣе и болѣе агрессивный характер и из области стратегіи переходят в область чистой эксплуатаціи. Главными дѣятелями в этой работѣ выступают мѣстные крупные чиновники, стоящіе во главѣ военно-инородческаго управленія и китайскія торговыя фирмы; за ними стоит цѣлая армія китайских переселенцев-пахарей.

Первые преслѣдуют торговые интересы и несут с собою для кочевников, денежное закрѣпощеніе, как результат самых недобросовѣстных коммерческих сдѣлок, крайне тяжелых условій кредита и вообще хищнических приемов торговли; вторые вступают в роли колонизаторов и постепенно захватывают коренныя монгольскія земли. Болѣе подробное разсмотрѣніе этого вопроса, во избѣжаніе повтореній, будет сдѣлано ниже при описаніи Карашарскаго Ханства. Теперь же нѣсколько кратких заключительных слов к общей характеристикѣ степной политики Китая.

Можно сказать, что второй період этой политики заканчивается привлеченіем монголов к отбыванію воинской повинности; для Сѣверной Монголіи это вопрос самаго близкаго будущаго; для нѣкоторых отдѣльных монгольских племен он уже получил свое положительное разрѣшеніе.

Наконец, третій и послѣдній період будет періодом окитаиванія монгол и начнется лишеніем князей их владѣтельных прав. В Восточной Монголіи или в так называемой «убур-хошунах» — процесс этот уже давно начался.

Все, что было сказано относительно монголов вообще, в полной мѣрѣ примѣнимо и к джунгарским калмыкам, с тою лишь разницей, что если в Сѣверной Монголіи процесс закрѣпощенія двигался медленно и до сих пор еще не закончен, то в Джунгаріи, наоборот, он со-

¹⁾ В 1640 г. на Сѣвѣ монгольских и калмыцких князей было окончательно выработано и издано степное уложение, извѣстное у нас под именем «Монголо-ойратских законов 1640 года».

вершился безусловно быстро, несмотря на то, что по времени начался гораздо позже. Этому способствовали, во-первых, сравнительная малочисленность и однородность пришельцев с Волги, а, во-вторых, опыт китайского попечительства, уже приобретённый им на других кочевниках.

В настоящее время из всех тех широких привилегий, которые получены были калмыками при водворении их в Джунгарию после бегства с Волги, у них фактически в чистом виде сохранилась только одна: они пока еще не платят никаких податей в китайскую казну. На все остальное, в большей или меньшей мере, китайцы уже наложили свою руку... Калмыцкие земли постепенно захватываются китайскими пахарями, и там, где еще не так давно только паслись на свободе калмыцкие табуны, теперь пестрят многочисленными пашнями и хутора земледельцев; китайские власти по своему личному усмотрению привлекают к ответственности калмыков и судят и наказывают их по китайским законам, совершенно не обращая внимания на протесты князей; в рядах войск Начальника вновь образованного Алтайского округа — Амбана Си-хэнга служат солдаты, набранные среди калмыцких племен с согласия калмыцких князей: с прошлого года из торгутских табунов начали производить принудительный кавалерийский ремонт для новых китайских войск, расположенных в Урумчи. От некогда широкой автономии, от свободы, от права территориальной неприкосновенности остались теперь одни обломки. Князья молчат, народ пассивно подчиняется; но, подчиняясь, неизменно вспоминает о том, что в Китай он явился из России, откуда некогда бежал оберегая свою независимость и свободу. Именно эти независимость и свободу он безвозвратно потерял, вместо того, чтобы сохранить, и теперь у него остались лишь одни предания о них. Он сожалеет о своем побеге и горько пронизывает, оценивая результаты своего рискованного шага: «Были у нас пути веревочные — мы промьняли их на железные», гласит распространенная торгутская поговорка.

Создание сдланной ошибки явилось у калмыков гораздо раньше, но китайцы во-время успели усыпить его своими уступками. Уже после первых шагов китайского правительства, сдланных им при размещении калмыков по кочевьям, калмыки чутко угадывали истинный смысл китайской политики, и осуждали как свой побег, так и особенно поведение тщеславных князей, так легко поддавшихся на удочку китайцев и промьнявших народ на Богдыханские подачки. Торгутская легенда о Джава-батыре ярко характеризует это временно проснувшееся народное сознание.

Как упоминалось выше, Джава-батыр был героем обратного похода калмыков в Джунгарию. За услуги, оказанные этим витязем Хану, всей ордой он, согласно обещанию Хана, получил прощение 12 проступков, совершенных за время пути до озера Балхаш, и кроме того, на основании обещаний того же Хана, впереди его ожидал и почет и уважение. Джава-батыр честно выполнил взятая на себя перед Ханом

обязательства: в решительном бою с киргизами, преградившими калмыкам путь, он покрыл себя неувядаемой славой. Но за то Хан оказался не на высоте своего положения. Минула опасность, устроились калмыки в Джунгарию и услуги Джава-батыря сдлались ненужными. Хан вместе с другими князьями был поглощен стремлением приблизиться к пекинскому двору; он не только забыл про свои обещания отблагодарить Джава-батыря, но наоборот стал враждебно к нему относиться, т. к. встречал с его стороны открытое порицание своих тщеславных домогательств, и даже заключил витязя в тюрьму, когда тот снова совершил незначительный проступок. Хан решил отдлаться от Джава-батыря. Ранее прощенные 12 проступков витязя вновь были поставлены ему в вину и Хан тайно отдал распоряжение о передаче Джава-батыря в руки китайцев, как опасного преступника. Но Джава-батыр не даром слыл богатырем. В первую же ночь он обманул бдительность стражи, разорвал свои оковы, бежал из тюрьмы и тотчас же явился в дом к Хану. Хан и его жена были в постели. Джава подошел к постели, отдернул полог и обратился к Хану со следующими словами: «Поверни ко мне свое лицо, — я пришел посмотреть на тебя в последний раз. Ухожу от тебя — ты противен мне. Ты забыл, как я спасал тебя от киргизов и теперь хочешь отдать меня китайцам? Как ты продал меня, так продашь и весь народ!» Хан притворился спящим и безмолствовал. Богатырь снял со стены ружье хана — самое дальнбойное ружье, которое когда либо было у калмыков; оно называлось «Иджилйн бу», т. е. «Волжское ружье»; во время разлива Волги пуля его хватала с одного берега на другой; Джава взял себе «Иджилйн бу», Хану оставил свое короткое ружье «Тог-бу»¹⁾ с золотой насечкой на стволе и вышел. Не теряя ни минуты, он в ту же ночь покинул кочевья, решив вместе с братом бежать обратно на Волгу. Хан был взбешен. Стыд и злоба не давали ему покоя. Он отдал приказ о поимке Джава, но народ сочувствовал своему герою, а потому высланная погоня возвратилась ни с чем, хотя многие знали, что Джава в то время был близко и скрывался в горах около одного источника; пылая жаждой мести хан послал гонца к Илийскому дзянг-дзюю с просьбой помочь ему в поимке беглеца. Дзянг-дзюй отнесся к ходатайству хана внимательно: он приказал вызвать охотников для преследования Джава-батыря, пообещав за поимку его большую награду. Когда весть об этом распространилась по округу, к дзянг-дзюю явился с предложением своих услуг один олобский²⁾ богатырь, который просил только, чтобы для погони за Джава-батыром дзянг-дзюй дал ему своего мухортаго коня, славившегося необычайной быстротой бега. Дзянг-дзюй дал коня и слёт отправился в погоню. Он догнал Джава и его брата на берегу реки Или в ту минуту, когда они готовились к переправе. Завидев беглецов слёт бросился на них.

¹⁾ «Тог-бу» в настоящее время хранится у князя Мидан-Дорджи-байде.

²⁾ Олоб — название одного из калмыцких племен.

пустив коня во весь опор, но это и погубило его: в нужный момент он не мог сдержать разгорячившагоса скакуна и когда поровнялся с Джава-батыр'ом, послѣдній схватил его за ногу, сдернул с сѣдла и бросил в Или, гдѣ ѡлѡт утонул. Джава завладѣл дзянг-дзюн'ским скакуном и оба брата благополучно ушли на Волгу. Преданіе говорит, что когда Джава-батыр покидал родное кочевье послѣ бѣгства из тюрьмы и ночного посѣщенія Хана, он произнес слѣдующія знаменитыя слова:

«Олохар одосан юма —
Ото-ху джинса хоюр,
Күседжи одосон юма —
Күрме канджан хоюр,
Хайджи одосон юма —
Хада чулу хоюр санджи».

что в переводѣ означает:

«То, за полученіем чего отправились (с Волги),
Были (два) перья и шарики (на китайских чиновничьих шляпах),

То, чего так страстно домогались, —

Были (два) курма¹⁾ и кан²⁾,

А то, на поиски за чѣм ушли, —

Оказалось лишь скалами, да камнями.»³⁾

Эти проникнутыя горькойironией фразы вложенныя народным сознанием в уста любимому витязю, замѣчательно характеризует печальные итоги похода калмыков с Волги. Образ Джава-батыр'а — послѣдняго народнаго героя — и его обличительныя вещица слова живо сохранились в памяти калмыков и любимая легенда о нем еще долго будет передаваться среди них из поколѣнія в поколѣніе до тѣх пор, пока постепенно окитаиваніе ни сотрет с лица этого нѣкогда могущественнаго свободолюбиваго народа его національныя черты.

Приводимое ниже описаніе Карашарскаго ханства, самаго большаго из отдѣльных торгутских владѣній в Джунгаріи, дает наглядное представленіе о современном положеніи всѣх вообще син-дзянг'ских калмыков. Переходя к этому описанію, заканчиваю настоящія строки кратким перечнем син-дзянг'ских калмыцких сеймов.

1) Карашарскій сейм или сейм южнаго староторгутскаго аймака. Предсѣдатель — Карашарскій хан; члены — 1 бэйле, 1 гунг, 1 дзасык.⁴⁾ Кочевья по бассейнам рѣк Хайтык — гол'а, Алгу и Шарга.

2) Хобок-саир'скій торгутскій сейм или цохор-торгутскій (сейм «нестрых» торгутов). Предсѣдатель — Хобок-саир'скій цинг-ванг; члены

¹⁾ Китайская верхняя одежда — куртка, халат.

²⁾ Китайская леванка с пещью.

³⁾ Намек на нѣкоторые безплодныя мѣстности в отведенных калмыкам для кочевій горах; в частности имѣется в виду каменное ущелье рѣчки Хабчинь.

⁴⁾ Дарованныи Пекином монгольскія княжескія степени распределяются слѣдующим образом: 1) цинг-ванг, 2) дзюн-ванг, 3) бэйле, 4) бэйсе, 5) гунг, 6) Дзасык; кроме того есть наследственный почетный титул «таджи» — потомственный дворянин; дайджи нѣрѣдко бывають владѣтельными и пользуются княжескими правами; этот титул получают всѣ младшіе сыновья князя.

— 2 дзасык'а. Кочевья по бассейну рѣки Кобука.

3) Хара-усун'скій или Си-ху'скій торгутскій сейм. Предсѣдатель — Хара усун'скій дзюн-ванг; члены — 1 бэйсе. Кочевья по склонам Средняго Тянь-шан'я (на наших картах Пирен хабирга) в бассейнѣ рѣк Манаса и Куйтуна.

4) Сейм кульджин'ских торгутов. Единственным его представителем является князь Джингійн-бэйле. Кочевья между р. Или и землями Хара-усун'скаго сейма.

5) Карашарскій хошутскій сейм. Предсѣдатель — хошутскій князь бэйсе; члены — 2 дзасык'а и один тайджи.¹⁾ Кочевья к востоку от земель Карашарскаго ханства Сейм этот в послѣднее время распался благодаря раздорам и интригам между князьями и сеймовая печать отобраана Илійским дзянг-дзюн'ем, вѣроятно, навсегда.

Пять перечисленных выше сеймов в составѣ 13 князей подчинены Илійскому дзянг-дзюн'ю.

6) Эчине-торгутскій сейм, подчиненный Аксу'кскому даотаю. Предсѣдатель сейма — князь бэйле.

Чтобы попутно дать полную картину расселенія бѣжавших с Волги в Китай калмыков, слѣдует упомянуть еще об одном — 7-м сеймѣ, находящемся в вѣдѣніи Кобдинскаго хэбэй-амбан'я¹⁾ и образовавшемся нѣсколько позднѣе всѣх перечисленных. Сейм этот называется «Шинэ-торгут'ским», т. е. Ново-торгутским. Предсѣдатель его — Алтайскій дзюн-ванг; члены — один торгутскій бэйсе и один хошутскій дзасык.

Наконец, существуют еще 4 сумуна торгутов, которые выдѣлились из Волжской орды под предводительством Лупсан-Джалцан'а во время послѣдняго похода и нынѣ кочуют в долинѣ рѣки Текеса, в Кульджинском округѣ. Сеймоваго устройства эти торгуты не имѣют. Князей у них, кажется, тоже нѣтъ.

II.

Карашарское ханство или, точнѣе, Карашарскій сейм занимает своими кочевьями довольно обширную область, обнимающую значительный участок Тянь-шан'ской горной системы и прилегающих к ней на югѣ равнинных пространств. Границами ханства служат: на сѣверѣ долина рѣчки Убурійн-гол'а, а на югѣ — горная гряда Хотын-хора, на западѣ — рѣчка Кёкэ-усун, впадающая в Дзулдус,²⁾ и на востокѣ — хошутскія кочевья; послѣднія ограничиваются от ханства — в горах — по долинѣ рѣчки Киргут'а, а по выходѣ из гор — воображаемой линіей, проведенной от горнаго устья (ама) Киргут'а на юг через город Карашар.

На всем пространствѣ владѣній сейма природныя условія мѣстности представляют большое разнообразіе. В этом мѣстѣ Тянь-шань широко раскинулся по меридіанальному направленію, отпустив много больших боковых отрогов; послѣдніе тянутся параллельно друг другу часто на нѣсколько десятков верст и замыкают

¹⁾ Военный губернатор в областях с ивородческим управлением.

²⁾ На наших картах эти рѣчки называются Юлдуань.

между собою длинныя горныя долины то каменистыя и совершенно безплодныя, то богато поросшія кормовыми травами и усѣянныя кустами лиственнаго лѣса.²⁾ Хвойных пород в кочевьях мало. Всѣ онѣ, как и лиственныя, распространены, главным образом, по системѣ сѣвернаго склона Тянь-шан'я; древесная растительность на южном склонѣ очень бѣдна. Что касается трав, то, наоборот, их больше и онѣ лучше на южных склонах. Особенно богаты травами огромныя горныя долины р.р. Большого и Малаго Дзулдусов, гдѣ сосредоточена главная лѣтняя кочевка всѣх карашарских торгутов.¹⁾

Главный хребет Тянь-шан'я в описываемом районѣ и во многих мѣстах проходим даже зимою, что значительно облегчает калмыкам періодическія кочевки с одного склона на другой.

Благодаря присутствію больших гор вся мѣстность орошена, конечно, очень хорошо. Из рѣчек сѣвернаго склона наиболѣе значительны — Убурійин-гол, Шарга и Алгу, истоки которых находятся почти в одном мѣстѣ. Это полноводныя шумныя горныя рѣчки с чистой хорошей водой. Основное направленіе их теченія — с запада на восток. Шарга и Алгу сливаются еще до выхода из гор; общая рѣчка носит названіе Алгу. В низовьях Убурійин-гол'а и Алгу есть сартскія пашни. Обѣ рѣчки доходят только до города Токеуна и здѣсь теряются. Рыбы в рѣчках сѣвернаго склона нѣтъ. Водная система южнаго склона еще богаче. По дну каждаго болѣе или менѣе значительнаго лога, не говоря уже об ущельях, здѣсь непремѣнно струится рѣчка или ручеек с прекрасной чистой водой. Западная группа этих ручьев и рѣчек составляет бассейн Дзулдусов, восточная образует рѣчку Хабчик. По выходѣ из гор, Большой Даулдус получает названіе Хайтык гол'а и здѣсь, верстах в 15—20 ти выше города Карашара, в него вливается с лѣвой стороны Хабчик. Хайтык гол впадает в озеро Баграш-куль. Во всѣх рѣчках и даже ручьях южнаго склона, иногда на очень значительной высотѣ в горах, держится рыба. Она поднимается сюда из озера и Хайтык-гол'а. Особенно много ея в р. Хабчик'ѣ.

Кромѣ горных пространств в состав земель сейма входит обширная орошенная Хайтык-гол'ом равнинная полоса, заключенная между подножіем южнаго склона Тянь-шан'я и невысокой параллельной ему горной грядой Хотын-Хора. Равнина эта, простирающаяся в длину и ширину на нѣсколько десятков верст, во многих мѣстах роскошно поросла различными кормовыми травами, преимущественно мелким камышом и чіем, и служит зимником для большинства торгутов. Грунт равнины желтаго песку; благодаря богатому орошенію, мѣстность очень удобна для хлѣбопашества и в настоящее время по ней разбросано уже не мало культурных участков, обрабатываемых, как китайцами, так и калмыками.

¹⁾ На сѣверном склонѣ преобладает чай, на южном, особенно на долинах Дзулдусов, растут мелкія горныя травы.

В общем кочевья Карашарскаго сейма надо признать и достаточно обширными, и удобными, и богатыми, особенно если сравнить их с кочевьями степных монголов Халхи, гдѣ недостаток влаги часто вызывает неурожай или гибель кормовых трав, от которых так зависит благосостояніе кочевников. Карашарскіе калмыки вполне застрахованы от подобнаго бѣдствія.

Кочевники Карашарскаго сейма составляют в настоящее время один аймак, носящій названіе «Южнаго, Старо-торгутскаго». Аймак включает в себѣ 54 сумуна, из которых 50 принадлежат Хану и 4 младшим князьям. Ханскіе сумуны распадаются на слѣдующія 5 хошунов: 1-ти сумуннаго состава: 1. Барун-хошу, 2. Забсыр-хошу, 3. Цатын-хошу и 5. Шаванарійин-хошу. Послѣдній состоит из сумунов, в разное время, еще до бѣгства с Волги, посвященных различным буддйским вѣроучителям, чѣм и объясняется его названіе, которое в переводѣ значит «хошун учеников».¹⁾ Несмотря на это почетное названіе населеніе хошута на очень дурном счету среди остальных торгутов. Дѣло в том, что хошун шавинаров для пополненія своего состава нерѣдко прибѣгал и теперь прибѣгает к принятію в свою среду всякаго сброда — бѣглецов из Алтая, Халхи и др. мѣст; при таких условіях нравственный уровень членов хошуна, конечно, не может быть высоким.)

Из четырех сумунов младших князей 2 принадлежат бэйле, 1 — гуги'у и 1 дзасык'у. Как ни микроскопичны размѣры этих владѣній, однако, каждое из них именуется хошуном, составляет отдѣльное княжество и имѣет всѣх представителей присвоеннаго княжеству штата кочевой администратціи.

Всѣ 54 сумуна Карашарскаго сейма были заново скомплектованы в ш и водгорен и гамыков Син-дзянг'ѣ. В то время каждый сумун состоял из 150 человек и общая численность карашарских торгутов простиралась, слѣдовательно, до 8-ми с лишним тысяч. За истекшіе 140 лѣт внутренней состав отдѣльных сумунов рѣзко измѣнился, так что в настоящее время нѣкоторые из них насчитывают всего 30—40 человек, а другіе, наоборот, имѣют до 300 человек, — но общая численность кочевников осталась приблизительно тою же. Регистраціонные списки всего населенія сейма, конечно, имѣются в княжеских канцеляріях, однако, познакомиться с ними, к сожалѣнію, не удалось. Всѣ приведенныя цифровыя данныя записаны со слов ханскаго туэлакчи.²⁾

Хан и князья состоятъ по отношенію к китайскому Императору в вассальной зависимости и вмѣстѣ с тѣм считаются как бы чиновниками его службы: в качествѣ таковых они получают из Богдыханской казны жалованіе: хан — 50

¹⁾ Названія отдѣльных сумунов: 1 — Авдсиин-шавинар, 1 — Дайман-шавинар, 1 — Гегени-шавинар, 1 — Чойджингійин-шавинар, 3 — Зонсавайин-шавинар и 3 — Бакши-ламайин-шавинар.

²⁾ В настоящее время в средѣ Шавинарскаго хошуна можно встрѣтить халхасов, олѣтов, цохор-торгутов, чахаров, мингитцев, урянхайцев и др.

³⁾ Главный чиновник в кочевом княжествѣ.

ямб серебра в год, бэйле — 16 ямб, гунг — 4 ямб и дзысак — ямбы¹⁾).

В военное время, по требованию попечительства, карашарские князья обязаны выставлять для усиления китайской армии от каждого сумуна по двадцать конных солдат с полным вооружением. Податей в китайскую казну сейм не уплачивает, но при проезде китайских чиновников через его территорию или по ближайшим дорогам, в случае требования китайских властей, должен доставлять этим чиновникам, так наз., «ула» и «шус», т. е. перевозочные средства и содержание. Постоянных почтовых станций, подобных тем, которые существуют в Халхе, карашарские торгуты не содержат.

Карашарские ханы ведут свой род от знаменитого Аюки-хана и считаются прямыми его потомками.²⁾ В Син-дзянг'е существует весьма распространенное убеждение, что династия эта нелюбима народом за свою жестокость и что только один хан — Батыр-Убуши, с которым калмыки бѣжали из России, умер своей смертью, всех же остальных по достижении ими 25-ти лѣтняго возраста, будто бы отравляли. Получить документальное подтверждение этого свѣдѣнія не удалось, однако в пользу его справедливости есть нѣкоторыя данныя. Так, например, обращает на себя внимание то обстоятельство, что послѣ бѣгства с Волги за промежуток времени в 140 лѣт у торгутов было уже 7 ханов³⁾; средняя продолжительность срока для смѣны поколѣнія достигает в данном случае всего 20 лѣт, а это уже на 10 лѣт ниже обычной нормы. Нынѣшній хан Буин-мѣнке, отец котораго умер 25-ти лѣт, очевидно, считал этот возраст критическим и для себя, т. к. заблаговременно обращаясь к Далай-Ламѣ с просьбой дать ему какойнибудь совѣтъ, как поступить, чтобы избѣгнуть участь отца. Далай-Лама посоветовал Хану провести 25-й год своей жизни внѣ родных кочевій. Хан послѣдовал этому совѣту и почти весь минувшій год прожил у своего родственника Хара-усун'скаго дзюн-ванг'а. Теперь ему уже исполнилось 25 лѣт, однако, он не торопится с возвращением домой и эту зиму проводит в гор. Умручи. В самом образѣ жизни хана замѣчаются нѣкоторыя странности. Так, например, старается принять пищу только один раз в день, именно вечером, причем, как говорят, сам слѣдит за приготовлением обѣда, а когда бывает с визитом или запросто в гостях, то обыкновенно только из вѣжливости прикасается к подаваемым ему блюдам. Все это дает право думать, что народная молва имѣет под собою основаніе и что Хан Буин-Мѣнке дѣйствительно боится быть отравленным. Боязнь эта, вѣроятно, еще усиливается, благодаря тому, что хану приходится вести борьбу с придворной камарильей. Два года тому назад он был в Пекинѣ, представлялся Богдыхану и получил утверждение во всех своих правах на ханство. По возвращеніи из Пекина хан забрал

в свои руки все дѣла и проявил большую самостоятельность. Мать хана,⁴⁾ в теченіе нѣскольких лѣт бывшая регентшей за его малолѣтством, не может теперь помириться с тем, что власть ушла из ея рук и враждует с собственным сыном; у нея, конечно, есть приверженцы, которые интригуют против хана и которых хан имѣет полное основаніе считать своими врагами.

Все четыре младшіе князя — родственники хана; карашарские кочевники обычно называют их «дунер», т. е. младшіе братья (подразумѣвается — хана); «дунер», как и хан, считаются потомками Аюки Хана из колѣна сына его Шагдурджаба.⁵⁾

Юридическія отношенія младших князей и хана опредѣляются принадлежностью их к одному и тому же сейму. В качествѣ членов сейма младшіе князья подчинены хану как предсѣдателю. Никакого другаго подчиненія и никакой зависимости не существует. По установившемуся обычаю младшіе князья добровольно вносят ежегодно в ханскую казну от 20 до 30 лан серебра каждый в возмѣщеніе расходов хана на их содержаніе во время посѣщеній его во дворцѣ для принесенія ему поздравленій по случаю различных праздников.

Хан и князья в своих кочевьях являются наследственными государями и правителями, но лишь в отношеніи личности подданных, т. к. земли каждаго хошуна считаются его неотчуждаемой собственностью и князья пользуются на них только преимущественным правом пастбища. Населеніе уплачивает своим князьям подати и кромѣ того в нѣкоторых случаях обязано оказывать им услуги личным трудом и перевозочными средствами. Чтобы точнѣе опредѣлить юридическія отношенія князей и простых кочевников, послѣдних слѣдует назвать не только княжескими подданными, но и крѣпостными.

Административное устройство ханства и княжеств ничѣм не отличаются от обычнаго его типа, общаго для всех монгольских владѣній в Китаѣ. Старшим чиновником в каждом владѣніи является, так называемый, «туслакчи» — помощник и правая рука кочевого князя; в отсутствіи князя туслакчи его именем рѣшает

¹⁾ Торгуты обычно называют ее: «Шуджаниг» или «Бабагай-ноин», т. е. женщина-князь. По халхасски калмыцкому слову «бабагай» соответствует абагай; бабагай-же значит медвѣдь; торгуты называют медвѣдяю; слово «аю» — тюрское.

²⁾ Родословная младших князей со времени бѣгства с Волги:

Бэйле:

1. Эмген - Убуши - бэйле.
2. Гунтуи-байсе.
3. Балдан - Араши - бэйле (за услуги китайцам в борьбѣ с дунганцами получил титул бэйле).
4. Муника - насун - бэйле.
5. Горуиджаб-бэйле.
6. Ольдзейту - тѣгюс - бэйле.
7. Гонго - Намджил - бэйле.
8. Мидасир - Дорджи - бэйле.

Гуиг'ы:

1. Байчиху-гуиг.
2. Цыбык-Джаб.
3. Бани-Кишик.
4. Маданик-Дорджи.
5. Норбу-Эренчин.

Дзасык'ы:

1. Берхашиха - дзасык.
2. Сасха.
3. Хотун.
4. Эрдэни.
5. Шир-Дарма.

¹⁾ Одна ямба содержит обыкновенно около 50 лан. 1 лан по курсу равняется в Умручи 1 руб. 33 коп.

²⁾ Они имѣют пожалованный Пекином титул «ванг'а».

³⁾ Имена ханов: Батыр-Убуши, 2) Церен-Намджил, 3) Дуируб-Араши, 4) Маха-Вадзыр, 5) Буин-Ольдзейту, 6) Буин-Цюнту и 7) Буин-Мѣнке.

всѣ дѣла. Во главѣ отдѣльных хошунов стоят «гудзда»¹⁾ (в Халхѣ им соотвѣтствуют «дзахи-рукчи»). Ближайшіе помощники гудзда 'ев называются «мейрен», число их неопредѣленно. Хошу дѣлится на двѣ половины, каждую завѣдует «дзалан» (в ханских владѣніях дзалану подчинено 5 сумунов). Наконец, начальниками отдѣльных сумун'ов являются «дзаньги», имѣющие своими помощниками «кунду'ев» и «бошхо».²⁾

Всѣ чиновники получают жалованье из ханской или княжеской казны. Названія перечисленных должностей чисто военныя; онѣ сохранились как слѣды древняго военнаго устройства монголов, которое номинально удерживается у них и до сих пор. Функции представителей кочевой администраціи по предмету и характеру почти однородны и различаются лишь своим объемом, сообразно старшинству чиновников. Главнѣйшія обязанности этих послѣдних — фискально-полицейскія — раскладкѣ податей, наблюденіе за правильным поступленіем их в княжескую казну и поддержаніе порядка среди кочевников.

Наиболѣе вліятельными являются должности туслакчи и дзаньги. Туслакчи близок к князю и потому полную возможность имѣет оказывать давленіе на его дѣятельность в области управленія. От туслакчи зависит исход болѣе важных дѣл, поступающих на разрѣшеніе к князю, т. к. послѣдній обыкновенно бывает мало свѣдущим в законодательствѣ и в своих постановленіях руководствуется совѣтами и указаніями туслакчи, который является для него в данном случаѣ авторитетом. При опредѣленіи размѣра ежегодных податей голос туслакчи имѣет особенный вѣс, п. ч. у него в руках постоянно имѣются подробныя свѣдѣнія о достатках кочевников и, опираясь на эти свѣдѣнія, туслакчи всегда в состояніи показать князю, какая сумма податей в данном году может быть внесена без ущерба своему благосостоянію.

Поскольку туслакчи близок к хану и сверху может имѣть вліяніе на дѣла, постольку же дзаньги вліятелен как лицо, ближе всего стоящее к плательщикам податей — к простому народу. Дзаньги знает обстоятельства и дѣла членов своего сумуна также хорошо, как и свои личныя. Интересы рядовых кочевников близки ему, п. ч. сам он обыкновенно выходит из их же среды. Если дзаньги захочет, он может не собрать в срок опредѣленнаго количества податей, раз только найдет, что сумма их высока, и этим самым повліяет на размѣры податнаго обложенія слѣдующаго года. Поэтому при раскладкѣ податей к голосу дзаньги всегда прислушиваются. Приблизительно таким же значеніем пользуется и гудзда, как начальник хошуна, т. е. также отдѣльной единицы кочевого дѣленія, имѣющей свои самостоятельныя интересы.

Подати, взимаемыя с населенія сейма в пользу хана и князей, распадаются на три раз-

ряда. 1) «Амійи-алба», или подушная подать, которою облагаются всѣ вообще кочевники, в том числѣ женщины и дѣти; средній размѣр ея доходит до 9-ти цян серебра в год с чело-вѣка.¹⁾ 2) Мужчины в возрастѣ от 18-ти до 45-ти лѣтъ вмѣсто амійи-алба платят, так называемую, «хуйгійи-алба»; размѣр ежегоднаго взноса колеблется от 4 до 5 лан. 3) Наконец, с cadaго самостоятельнаго хозяина ежегодно взыскивается сумма, составляющая третью часть стоимости всего его скота по казенной оцѣнкѣ. Сбор этот исчисляется с головы скота, причем овцы и козы идут по 4 штуки за одну голову. Оцѣнка общая для всѣх родов скота. Она скорѣе условная, чѣм дѣйствительная. В среднем голова оцѣнивается, смотря по обстоятельствам, от 13-ти до 14-ти лан. Этот разряд податей носит названіе «бодын-алба» (налог на домашній скот) или «гурьян-хуби» (третина).

Размѣры податных взносов и окладов ежегодно устанавливаются заново в зависимости от высоты общаго благосостоянія кочевников и для cadaго отдѣльнаго сумуна могут быть различными.

Всѣ подати взимаются только серебром, и натурою не принимаются. В случаѣ недоимок начисляется небольшой процент, который обыкновенно цѣликом попадает в карман сборщиков.

Общую сумму взимаемых с населенія податей хан и князь — каждый в своем владѣніи — опредѣляют совершенно самостоятельно. Никакой зависимости от сейма в данном случаѣ не существует. Раскладка податей происходит в первой лунѣ, а сбор в концѣ года. В ханских владѣніях общая сумма податей в году, послѣ об'явленія ея ханом, дѣлится на пять равных частей по числу хошунов; дальнѣшая раскладка происходит уже внутри cadaго отдѣльнаго хошуна. Такой порядка податнаго обложенія, конечно, крайне тяжело отзывается на благосостояніи малолюдных и бѣдных хошунов, которые из года в год постепенно разоряются.

Подати, поступающія в казну хана, в виду многочисленности его подданных, разумѣется, значительно превышают такіе же доходы младших князей. Послѣдніе имѣют достатки, но вообще живут довольно скромно и сами слѣдят за своим хозяйством. Их «куре» или дворцы, гдѣ они проводят зиму, устроены незатѣйливо и обставлены без всякой роскоши.

Хан очень богат. У него имѣется большой дворец²⁾ со всякими службами, хорошая обстановка, большіе табуны лошадей, верблюдов и другого скота и много всякаго добра. Рядом с ханским дворцом помѣщается богато обставленная квартира его младшаго брата, избалованнаго 17-ти лѣтняго юноши-ламы, который своими причудами нѣсколько напоминает расточительнаго ургинскаго хутукту. Мать хана занимает отдѣльное помѣщеніе в ханском дворцѣ и живет, как говорят, ни в чем себѣ не отказывая. Всѣ трое имѣют свой отдѣльный штат прислуги, размѣщающійся в юртах и в сгроеніях около дворца. По словам чиновника, ханская

¹⁾ Исконное манджурское слово «гусайда».

²⁾ В 10-ти шавинарийи сумунах кромѣ дзаньги есть старших ламы, завѣдывающіе сумунными ламами и рѣшающіе дѣла совмѣстно с дзаньги. Эти ламы 4 называются ханом.

¹⁾ $\frac{8}{10}$ лана.

²⁾ В урочищѣ «Балганту», на южном склонѣ Тянь-Шан'я; рѣчка Балганту — лѣвый приток Хабчик'а.

семья проживает в год 50 тысяч рублей на русскую деньги. О самом ханѣ нельзя сказать, чтобы он был расточителен. Много расходов потребовала только его недавняя поѣздка в Пекин.

Все карашарскіе тургуты по вѣроисповѣданію — ламанты. Есть ли у них шаманы и удерживается ли вообще шаманизм, подобно тому, как это наблюдается в Халхѣ — слышать не приходилось.¹⁾

Общее число лам в сеймѣ достигает 3.000 человек. Из них около 1.000 прописаны к единственному в карашарских кочевьях монастырю «Шара-дарджа, лин-сумэ», в просторѣчьи называемому обыкновенно «Шара-сумэ» (Желтая кумирня). Шара-сумэ расположен близ ханскаго дворца в ущельи р. Балганту; выстроен он не особенно давно, хорошо поддерживается и потому выглядит очень опрятно. Монастырь состоит из двух кумирен, гдѣ происходят очередные общіе и обычныя хурулы (богослуженія). В каждом хошунѣ и в наиболѣе богатых сумунах имѣются передвижныя, походныя кумирни, устроенныя в обыкновенных юртах и легко перевозимыя с мѣста на мѣсто во время кочевок. Хошунными и сумунными кумирнями завѣдывают ламы, откомандированные из монастыря. От монастыря же назначается штат священнослужителей в передвижныя кочующія ханскія кумирни. Таким образом, значительная часть монастырских лам обычно разбѣяна по кочевьям.

В полном составѣ они собираются в монастырѣ лишь на общіе хурулы, которые служатся 4 раза в году: 1) с 1-го по 15-е число перваго (весенняго?) мѣсяца («Цыган-Сар»); 2) в 6 й лунѣ в память кончины Будды; 3) в послѣдней осенней лунѣ в память восхожденія Будды на небо для свиданія с матерью и 4) в послѣдней зимней лунѣ в память побѣды Будды над Мангусом. Обычныя хурулы служатся в монастырѣ и передвижных кумирняхъ ежедневно по нѣскольکو раз. Богослуженія совершаются на тибетскомъ языкѣ, котораго населеніе не понимает.

«Шараб-дарджа-лин-сумэ» считается монастыремъ высшаго разряда, т. к. в немъ есть кафедра «цанита»²⁾ и служатся цанитскіе хурулы; калмыки называютъ эти хурулы — «чор-хурул». Во главѣ монастыря стоит, такъ называемый, «тиб-лама».

Номинально на содержаніе лам и на поддержаніе «желтой вѣры» ежегодно отпускается из Богдыханской казны по 20 лаи каждому сумуну; на дѣлѣ субсидія эта в пользу лам не поступает. Главной статьей дохода монастыря и кумиренъ являются обычныя добротныя приношенія и болѣе или менѣе крупныя вклады прихожан. При устройствѣ новой кумирни дѣлается предварительный сборъ пожертвованія деньгами и скотомъ; деньги идут на оборудованіе кумирни, а скотъ становится ея имуществом, доходами, с котораго живут ламы, прибавляя сюда добротныя приношенія.

Почетнымъ настоятелемъ монастыря и главнымъ наставникомъ в дѣлахъ вѣры является карашарскій геген. Это мѣстный хубилган,¹⁾ представляющій перерожденіе нѣкоего Гомын-ламы. Исторія перерожденія вкратцѣ такова. При дворѣ одного изъ китайскихъ императоровъ состоялъ в качествѣ наставника тибетскій лама по имени Гомын. Однажды Императоръ, отправляясь на охоту, пригласилъ с собою и Гомын'а. Послѣдній, какъ хорошій лама, отказался отъ приглашенія. Отказъ разсердилъ Императора и онъ сказалъ: «В слѣдующемъ твоёмъ перерожденіи я не желаю видѣть тебя при себѣ». Прошло много времени. Гомынъ скончался и переродился в Тибетѣ. Когда онъ былъ еще простымъ банди,²⁾ в Тибетъ прибылъ с Волги извѣстный калмыцкій хан Аюка для поклоненія Далай-Ламѣ и для исходагайствования себѣ ханской печати. Получивъ печать, Аюка отправился в обратный путь, причем, по совѣту Далай-Ламы, взял с собою Гомын'а. Послѣдній поѣхалъ верхомъ на верблюдѣ. В дорогѣ караванъ подвергся нападенію киргизовъ. Конныя калмыки успѣли ускакать, а Гомынъ своимъ верблюдомъ былъ захвачен. Киргизы увели его в свой аулъ и сдѣлали рабомъ. Скоро Гомынъ прославился среди кочевниковъ умѣньемъ лѣзчить скотъ и его пожелалъ видѣть киргизскій ханъ Аблай. Гомын'а привели к хану. Взглянувъ на него, ханъ тотчасъ сказалъ: «Это не простой человекъ, — это калмыцкій святой», и немедленно велѣлъ отправить Гомын'а к Аюку на Волгу. С той поры Гомынъ былъ признанъ гегеномъ и до настоящаго времени переродился уже 5-й разъ. Все перерожденія происходили в калмыцкихъ степяхъ. Нынѣшній гегенъ — хобо-саирскій торгутъ, родственникъ хобок-саирскаго цин-ванг'а. Теперь ему около 30 лѣтъ. Это самая заурядная личность, рѣшительно ничего из себя не представляющая. Никакой популярностью среди торгутовъ гегенъ не пользуется. Живетъ гегенъ доходами съ приходящихъ к нему на поклоненіе кочевниковъ; кромѣ того в его пользу поступаютъ подати с одного изъ ханскихъ сумуновъ. Недавно ханъ приступилъ к постройкѣ для гегена дворца и отдѣльной кумирни.

У карашарскихъ торгутовъ, какъ и вообще у всехъ ламантовъ, принято совершать паломничество в Тибетъ для поклоненія Далай-Ламѣ. Паломники ходятъ в Лхасеу двумя путями. Первый путь — обычный — по славной Син-дзянг'ской дорогѣ из Карашара на Турфанъ, Хами, Дзяюй-гуанъ, Ланджоу и далѣе черезъ Кѣке-нуръ (Дэд-монгол-нутукъ — кочевья «верхнихъ» монголовъ; этимъ путемъ от Карашара до границъ Тибета приходится путешествовать в среднемъ около 90 дней (на верблюдахъ). Второй путь короче, но считается очень труднымъ. Онъ ведетъ из города курля прямо на югъ, черезъ пустыни и безлюдныя степи. Ходятъ этой дорогой только со знающими, бывалыми людьми; получить хотя бы краткое описаніе ея не удалось.

По существующему среди торгутовъ преданію дорога была проложена впервые джунгарскимъ княземъ Голдан'омъ Бошокту. Задумавъ паломничество в Тибетъ, этотъ князь рѣшилъ пройти туда

¹⁾ Хубилганъ — монгольское слово, значитъ — «перерожденецъ».

²⁾ Ученикъ-послушникъ.

¹⁾ До принятія ламанзма, принесеннаго в Монголію из Тибета, монголы были шаманистами.

²⁾ Высшая ламайская религіозно-мистическая философія; ученіе цанита основано на тарнистическихъ (волшебныхъ) книгахъ.

новым, прямым путем, находя, что обычная дорога очень длинна. Он выбрал 500 самых сильных верблюдов-самцов, велѣл нагрузить их каменным углем и выступил без всякой дороги, держась только направления на юг. Подвигаясь вперед паломники все время разсыпали уголь, отмѣчая таким образом свой путь. Через 50 дней со дня выступления из дому караван Голдан'а Бошокту достиг Тибета. Поклонившись Далай-Ламѣ, паломники возвратились на родину тѣм же путем, держась своего слѣда, отмѣченнаго разсыпанными углями. Проложенна таким образом дорога получила названіе Нурсутей-халга (или «дзам», т. е. «угольная дорога»; иначе ее называют еще «Зунгарійн-халга» — «Джунгарскій путь».)

Как сам карашарскій геген, так и все карашарскіе ламы вообще — люди малообразованные и даже в достаточной мѣрѣ невѣжественные. Знатоков ламайскаго вѣроученія, подобных тѣмъ, которые встрѣчаются в монастырях Калхи, среди них нѣтъ. Самая религіозность их поэтому беспочвенная и близко граничит с увѣріем. Многие из лам, имѣющих духовныя гегени, посвященіе в азорья возможно лишь послѣ выдержанія установленнаго испытанія, два умѣют читать по складам тибетскія молитвы, а письменности роднаго языка не знают почти совсѣм.

Если в таком положеніи находитесь вопросы относительно образованія лам, то еще хуже обстоит дѣло с просвѣщенностью лиц мірекаголанія. Лишь чиновники и князья знают калмыцкую и общемонгольскую письменность и знакомы с популярнѣшими произведеніями родной литературы.¹⁾ Среди рядовых кочевников грамотность почти не распространена. Единственным разсадником просвѣщенія являются монастырь и княжескія канцеляріи. Никаких школ не существует.²⁾ Ни хан, ни князья о народном образованіи не заботятся. Только близостью Урумчи, постоянными сношеніями русскими и китайскими торговцами и знакомством с виѣшними хотя бы сторонами китайской культуры можно об'яснить то, что карашарскіе торгуты не становятся постепенно дикарями.

Главным занятіем карашарских кочевников является скотоводство; кромѣ того, благодаря широкому спросу в Урумчи на различные сырые шкура, среди них значительно развит охотничій промысел; наконец, в послѣднее время они стали также заниматься земледѣліем.

Занятіе скотоводством сопровождается періодическими кочевками. Главных кочевок двѣ — весенняя и осенняя. Ранней весною торгуты собираются отовсюду в горный район, орошаемый рѣками Большим и Малым Дзулдусами. Пространная, богато поросшія мелкими горными травами долины, по которым текутъ эти

¹⁾ Торгуты пользуются как калмыцким, так и общемонгольским алфавитом; калмыцкій алфавит выработан и усовершенствован из монгольскаго ламою Зая-Пандитом в 1648 году.

²⁾ Несмотря на личное знакомство с ханом, князьями и высшими чиновниками, мнѣ с трудом удалось перевести им для распространенія 60 экземпляров одного издавнаго в Петербургѣ ламайскаго сочиненія и 10 экземпляров калмыцкой хрестоматіи Позднѣва.

рѣчки, представляют тогда оживленную картину. Ханская ставка, ставки младших князей, канцеляріи, походныя кумирни и безчисленные юрты и майханы¹⁾ простых кочевников покрывают всю мѣстность цѣлым рядом больших и малых айлей (аулов). Огромные табуны лошадей и верблюдов, стада крупнаго и мелкаго рогатаго скота безпрерывно передвигаются с мѣста на мѣсто, переходя с выбитых участков на свѣжіе, нетронутые. Отощавшій за зиму скот быстро поправляется на привольных кормах и тучнѣет. Благодаря значительной высотѣ местности в Дзулдусах не бывает лѣтне жары и почти нѣтъ паразитирующих на скотѣ насекомых, что особенно благоприятно отзывается на результатах лѣтней кочевки.

Для скотовода, как и для земледѣльца, лѣтнее время — важнѣйшій період полученія продуктов его труда. С концом мая начинается первый сбор бараньей шерсти, поступающей цѣлком в продажу. Все лѣто у кочевников вдоволь молока и молочных продуктов, составляющих в это время их преимущественную пищу. Наступает іюнь мѣсяц — и появляется в изобиліи кумыс, не прекращающійся до глубокой осени. В августѣ происходит второй сбор бараньей шерсти, которая большею частью идет уже на выдѣлку кошмы (войлока). Этим сбором заканчивается лѣтній сезон и торгуты начинают постепенно скочевывать из Дзулдусов на зимовья. Большинство их сосредоточивается в долину Хайтык-гол'а; остальные размѣщаются по защищенным от вѣтра ущельям, гдѣ лѣтом не стояли аулы и гдѣ корма, слѣдовательно, не сѣдены. Хан зимует в своем дворцѣ в Балганту. Осень проходит в обработкѣ накопленных за лѣто сырых матеріалов. Происходит главным образом выдѣлка кож для собственных нужд, битье шерсти и катанье кошмы. Тѣ у кого есть пашни, одновременно приступают к молотѣбѣ.

Как упоминалось выше, культурные участки сосредоточены большей частью в долину Хайтык-гол'а. С ранней весны и до начала осени никакое скотоводство здѣсь невозможно вследствие сильной жары и обилія мух. Населеніе со своими стадами укочевывает в горы. Остаются с небольшим количеством рабочаго скота только хлѣбопашцы. Обработка земли происходит при помощи примитивных китайских сох. Пашни орошаются искусственно, для чего устраивается система арыков.²⁾ Сѣют разнаго рода хлѣба — преимущественно пшеницу, ячмень, табак и овощи. Вымолоченное зерно раздробляют в больших деревянных ступках и приготавливают из него нѣчто в родѣ нашего толочна (по монгольски — «талха»). Кромѣ долины Хайтык-гол'а пашни встрѣчаются и в горах. За послѣднее время кочевники стали искусственно заливать прилегающія к рѣчкам площади с кормовыми травами и заниматься сѣнокосеніем. Продукты земледѣлія кочевников почти все идут на удовлетвореніе собственных нужд и в продажу не поступают. Площадь всех обра-

¹⁾ Майхан — палатка, шатер.

²⁾ Оросительные каналы.

батывасмых торгутами участков не превышает 100 десятин.¹⁾

Охотою торгуты занимаются в течение всего года; она служит для них не только промыслом, но и любимым развлечением. Наиболее оживленным сезоном является осень и зима. Стреляют, травят и ловят в капканы и западню леопардов, медведей, рысей, волков, лисиц и куниц. Невыдѣланные мѣха продаются или на мѣстѣ прѣзжающим скупщикам, или в Урумчи. В концѣ весны и в началѣ лѣта в течение двух — трех недѣль происходит охота на изюбря (марала); рога его в это время очень цѣнятся и, смотря по их свѣжести и вѣсу продаются от 50 до 200 лан серебра за пару. Со второй половины лѣта начинается усиленная добыча тарбагана (сурка). Она продолжается до осени, т. е. до того времени, когда тарбаган залегает в норы и погружается в спячку. Карашарскіе торгуты охотятся на него только с ружьем и капканов не примѣняют. Осенью устраиваются облавы на кабанов, которые в изобиліи водятся в камышах и зарослях кустарника по берегам Хайтык-гол'а. При охотѣ на кабана торгуты пользуются собаками и в качествѣ оружія употребляют главным образом копья; их мечут с лошади преслѣдуемое животное. Наконец, почти в течение всего года торгуты охотятся на аргали (горно-каменных баранов) и тѣкэ или яман-гусесу (горно-каменных козлов), которых очень много в скалистых хребтах и под ледниками. Охота на птицу совсѣм не развита.

В послѣднее время кочевники гачали понеиную заниматься рыболовством. Очень крупная рыба попадается в Хайтык-гол'ѣ и Баграшул'ѣ. Торгуты продают рыбу китайцам. Самп оже ѣдят ее, но мало и при том меньшинство.

Карашарскій сейм ведет торговлю с китайцами, сартами и дунганами Урумчійскаго, Кульджинскаго и Карашарскаго округов, а также с представителями русских факторій в Кульджѣ и Урумчи. Наиболее оживленные торговые сношенія с Кульджинским районом, откуда в дзулдусы прѣзжает лѣтом много всяких скупщиков-торговцев сырья и поставщиков китайских и русских товаров. Можно считать, что три четверти всей торговли с сеймом со-

средоточены в руках этих торговцев и лишь одна четверть падает на долю Урумчи и Карашара.¹⁾ Торговля носит по преимуществу мѣнновыи характер. Центр тяжести ея покоится на экспортных операциях, которые в значительной мѣрѣ преобладают над импортом.

Предметами экспорта из кочевій служат скот и продукты скотоводческаго хозяйства и охоты. Главными его статьями являются лошади, крупный рогатый скот, бараны и баранья шерсть. Карашарскія лошади славятся на весь Син-дзянг. Онѣ отличаются значительным ростом (по сравнению с киргизскими и монгольскими) и в большинствѣ случаев имѣют иноходь, что особенно цѣнится китайцами и сартами. Цѣна на хорошаго иноходца достигает 300 лан серебра. Карашарских лошадей выгоняют даже в Монголію — в кобдинскій округ.

Карашарскіе волы низкорослые и в качествѣ рабочаго скота не употребляются, но мясо их считается вышшаго качества и потому выгон волов из кочевій в крупные населенные пункты весьма значителен. Выгон баранов из года в год увеличивается. Нѣкоторые предприниматели находят выгодным гонять их даже в Кобдо Лѣтом в Урумчи и других городах Урумчійской области можно найти в продажѣ только баранье мясо. Из торгутов мясники дунгане и сарты скупающіе баранов у торгутов.

Шерсть калмыцких овец груба и по качествам ниже киргизской и, так называемой, монгольской, поступающей из Лоб-нора; тѣм не менѣе она идет хорошо, сбыт ея скупщикам всегда обезпечен и продается она нерѣдко огромными партиями. Экспортируется только весенняя шерсть; осеннюю, или, так называемую, «стрижку», торгуты оставляют себѣ на выдѣлку кошмы.

Слѣдующее мѣсто в таблицѣ вывоза принадлежит мѣхам; особенно много вывозится лисьих и сурковых шкур.

Экспорт остальных предметов болѣе или менѣе незначителен и находится в періодѣ развитія. Прилагаемая таблица показывает цѣны на экспортируемые товары при их скупкѣ (в переводѣ на русскія деньги по Урумчинскому курсу).

Названія товаров	Цѣна в Урумчи	Цѣна в кочевьях	Цѣна в гор. Карашарѣ
1. Баранья шерсть (весенняя) за 100 длинов		8—9.35	13.35—17.65
2. Овчины невыдѣланные за штуку		0.33—0.40	0.60—0.65
3. Козлины		0.40—0.55	(без сортировки)
4. Бычья		2.65—4.65	2.65—4.65 ¹⁾
5. Копскій волос: 1-й сорт за 1 длин		0.35—0.50	0.50—0.47
2-й сорт за 1 длин		0.15—0.20	0.15—0.20
6. Верблюжья шерсть за 100 длинов	0.40—0.55		
7. Лошади за голову	0.20—0.27		
8. Быки	20	15	15.50
9. Овцы	16—67	13—60	16—67
10. Козы	16—20	10—16	12—18
11. Медвежьи шкуры шт	4—5.35	2—4	2.65—4
12. Леопардовые шкуры	1.35—2	0.95—1.35	0.95—2
13. Рысьи шкуры за штуку	4—7	не продаются	
14. Волчья	7—9		
15. Лисьи	8—10.65	7—9	7—9
16. Куныи	2—4	1—3	1—3
17. Сурочьи (тарбаганьи)	3.35—4	2—3	2.50—3.50
	7—8	6—7	6.50—7.50
	0.35—0.40	0.13—0.30	0.30—0.45

¹⁾ Справка эта получена от ханскаго туслакчи.

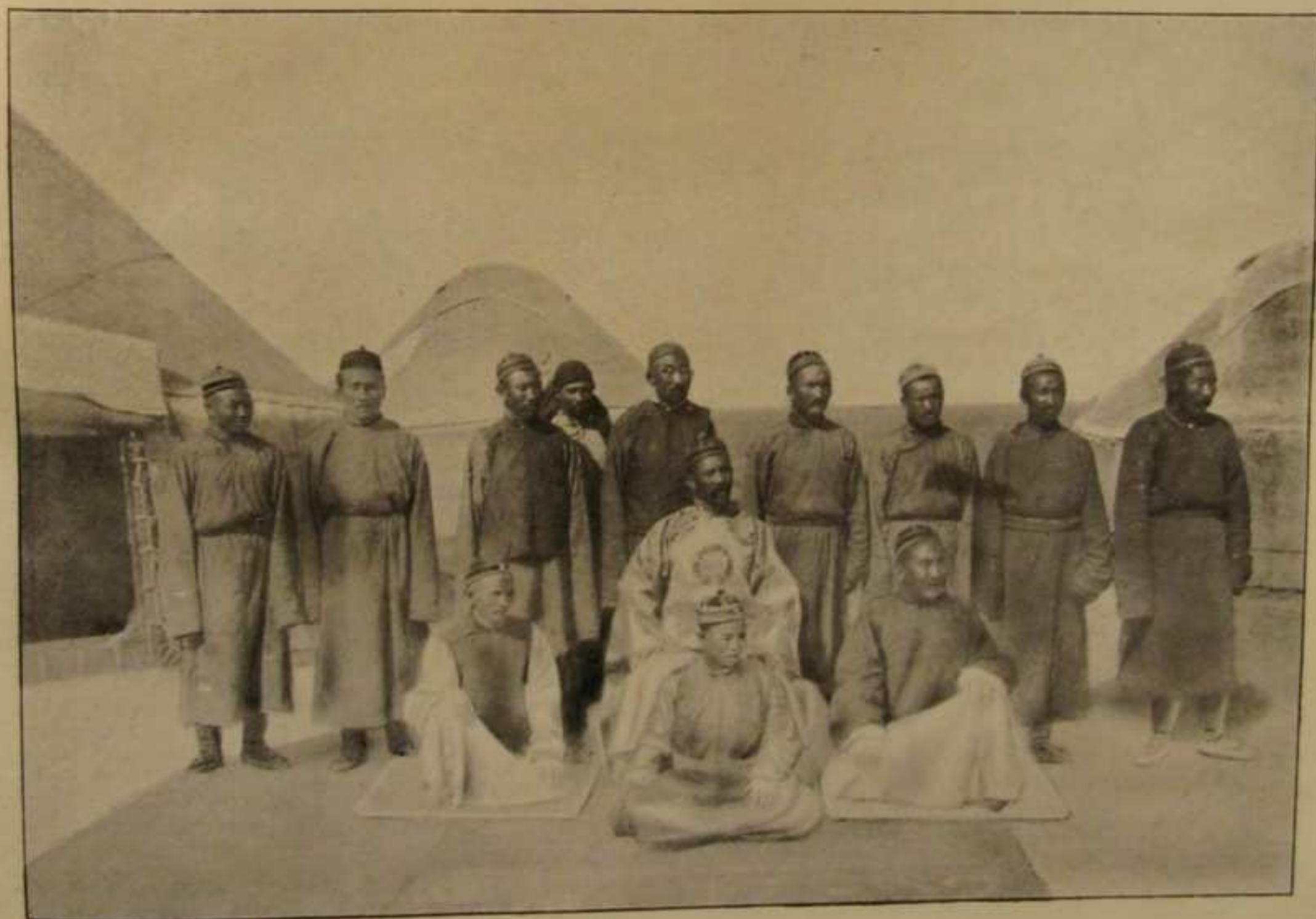
¹⁾ Город Карашар и Карашарская область (по 1911)

Карашарский Торгоутский Хан Бийи-Мюккэ.

Туслакчи (посланник) Карашарского Торгоутского Хана г. Даши.

Торгоутский князь Гун-Норбу Зраичинь и его свита.
(Настоящие три фотографии из коллекции проф. Вл. Л. Котвица).

0,08

3

Подесаул Войсковой Фирмань
Казак Платовской станицы
Ниш-Бурлова аймака
ЭРЕНДЖЕН ЛУКИЧ ЯМАНОВ.

№ 25 = 8x5

Умер во время подготовки в Николаевскую Академию Генерального Штаба осенью 1923 года в возрастъ около 33—34 лѣт. Э. Л. Яманов был одним из передовых и способнейших калмыков-офицеров, пользовался безупречнейшей репутацией во всѣх отношениях и большой симпатией Калмыков. Его смерть являлась в свое время одной из крупнейших потерь Калмыцкаго Народа на Дону.

(Фотографія из коллекции Саиджи Пантусова).

Из жизни эмигрантов-калмыков во Франци.
(Фотографія Г. М. Барашкина).

Предметами ввоза в карашарскія кочевья являются слѣдующіе товары китайскаго и иностраннаго происхожденія: калмыцкій кирпичный чай, ямбовое серебро, дайлинбу (американское изд., привозимое из Тянь-дзин'я), суямбу (английскій матеріал), китайскіе шелка и другія китайскія матеріи, ризе, водка, мука, табак, порох, свинец, соль, свѣжіе и сухіе фрукты, мелочной товар; из русских товаров ввозятся: мануфактура (молескины, бязь разныхъ цвѣтовъ и киргизин), пиленый сахар, полосовое желѣзо, издѣлія из желѣза для домашняго обихода, котлы, немного эмалированной посуды, немного спичек, мелочной товар и игральныя карты.¹⁾

Расцѣнка предметов ввоза учету не поддается, так как большинство товаров вымѣнивается на сырье и относительная стоимость их рѣзко колеблется в зависимости от характера сдѣлки. только небольшая часть товаров продается на серебро в городских лавках, когда калмыки пріѣзжают за покупками, не имѣя в руках сырья. В этих случаях покупателями обыкновенно являются хан, его брат, геген или князья; с них всегда стараются взять подороже. В общем

позволительно сказать, что импортеры при продажѣ и обмѣнѣ своих товаров наживают с каждымъ от 25% до 75%. Нѣкоторые товары расцѣниваются очень дорого; так, например, русскій сахар продается от $\frac{1}{2}$ до 1 копейки за кусок (от 32 до 40 коп за фунт).

Русскіе торговцы, как было упомянуто, проникают в Карашарскія кочевья из Кульджи и из Урумчи. О кульджинскихъ торговцах, дѣлающихъ наиболѣе крупныя обороты, у меня, к сожалѣнію, свѣдѣній нѣтъ. Со стороны Урумчи с торгунтами и их сосѣдями хошутами ведут торговлю двѣ крупныя урумчійскія фирмы (сартскія) и одна бійская (русская).

Первыя оперируют как в Урумчи, так и в кочевьях, гдѣ имѣют постоянныхъ агентов. Последняя торгует исключительно в кочевьях. Кроме того скупка калмыцкаго сырья и выгон скота производится мелкими, работающими на богатыхъ фактористов, торговцами-барышниками, так называемыми, «алыб-сатарами».

Слѣдующая таблица показывает экспорт нашими торговцами¹⁾ калмыцкихъ товаров в 1909 году непосредственно из кочевій.

Названіе товаров.	Количество	Стоимость
1. Баранья шерсть весенняя.	3.300 пудов	22.600 руб.
2. Овчины	6.100 штук	2.350 ..
3. Козлины	3.100 ..	1.000 ..
4. Лошади	50 гол	1.750 ..
5. Быка	75 ..	975 ..
6. Овцы и козы	500 ..	835 ..
7. Рысьи шкуры	5 шт.	45 ..
8. Волчьи	10 ..	20 ..
9. Лисьи	100 ..	250 ..
10. Куны	11 ..	70 ..
11. Табаганьи	20.000 ..	6.000 ..
Всего на сумму.		25.895 рублей

Сюда слѣдовало бы добавить то сырье, которое торговцы скупают у калмыков непосредственно в Урумчи, когда послѣдніе пріѣзжают в город. Т. к. отдѣльных книг для записи этого сырья торговцы не ведут, то нѣтъ и возможности опредѣлить, сколько и на какую сумму поступает его ежегодно.

Что касается ввоза нашего в Карашарскія кочевья из Урумчи, то за отсутствіем специальныхъ книг он также не поддается учету.²⁾

За послѣднее время среди предпріятій русскихъ торговцев в Карашарском округѣ обращает на себя вниманіе дѣло бр. Кряжевых, занимающихся скупкой тарбаганьих или сурковыхъ шкурок. Кряжевы явились сюда из западной Монголіи, гдѣ давно уже ведут значительную торговлю с кочевниками Кобдинскаго округа. Они живут в Монголіи с малыхъ лѣтъ, хорошо изучили нравы и обычаи кочевников и по монгольски говорят не хуже самих монголов. Сурковое дѣло является их специально-

стью. Благодаря хищническимъ приѣмам охоты на сурка, добыча его в Западной Монголіи, еще не так давно достигавшая огромныхъ размѣров, за послѣдніе годы стала постепенно падать. Паденіе это обуславливается слѣдующими причинами. Устойчивый спрос на сурковыя шкурки и выгодный сбыт их московскимъ лейпцигскимъ коммисіонерам вызвали, так сказать, чрезмѣрное развитіе сурковаго дѣла, привлекавшаго к себѣ массу предпринимателей. Конкуренція повела к быстрому повышенію цѣн на товар при покупкѣ его в степи у кочевников.

В короткій срокъ стоимость одной шкурки на мѣстѣ поднялась с 15 до 45—50 копеек. Монголы-охотники удвоили свои условія, чтобы удовлетворить нарастающему спросу, и по сѣвѣту наиболѣе хищныхъ предпринимателей стали не только стрѣлять сурка и ловить его при помощи кашкана, но начали раскапывать сурочьи норы поздней осенью, когда сурки залегают и погружаются в спячку. Началось поголовное истребленіе сурков, которое было тѣм болѣе хищным, что вмѣстѣ с взрослыми звѣрками в разрытой норѣ неизбежно погибали и молодые экземпляры, идущіе в продажѣ за $\frac{1}{2}$ или даже $\frac{1}{4}$ сурка. В результатѣ добыча сурка стала

тайски Ян-джи-фу) составляютъ китайскія владѣнія, совершенно отдѣльныя от земель сейма. Последній только получил от них свое названіе благодаря близкому сосѣдству; названіе это часто народное.

¹⁾ Торгунты называют их «нозырь»; играть в карты они научились, вѣроятно, еще на Волгѣ.

²⁾ Отмѣчается отниск товаров в Карашарскій районъ вообще, включая сюда и кочевья, и город Карашар.

¹⁾ Только со стороны Урумчи.

быстро сокращаться. Урянхайскіе хошуны, славившіеся своим, так называемым, «черным» сурком, почти совсѣм лишились этого звѣрка, являвшагося для них недавно источником благосостоянія.

В настоящее время охота на сурка в этих хошунах совершенно прекращена и сурок оберегается; кочевники надѣются, что, благодаря плодливости сурков, через нѣсколько лѣтъ они снова размножатся и таким образом возстанет источник дохода, так неосторожно утраченный из-за жажды наживы.

Другіе хошуны пострадали меньше, и в них охота на сурка продолжается, но раскапываніе нор всюду воспрещено и если практикуется, то только тайно. Предвидя паденіе сурковаго дѣла в Западной Монголіи, Кряжевы стали искать новых мѣст и с этой цѣлью явились в Урумчійскій округ.

В карашарских кочевьях сурок водится в огромном количествѣ. До Кряжевых никто из здѣшних торговцев сурка не покупал и шкуру можно было приобрести у охотника за 3—5 копеек. Кряжевы явились первыми покупателями. Они торгуют здѣсь уже 4 года. В первый год им удалось собрать всего 6.000 шкурок. В минувшем 1909 году они увезли их 15.000. Как утверждают Кряжевы, карашарскій сурок близко подходит к «черному» монгольскому сурку и мало ему уступает.

Не ограничиваясь сбором шкурок в Карашарских кочевьях, Кряжевы начали скупку их и в сосѣднем Хара-усун'ском сеймѣ. Собранныя партіи сурковых шкурок они отправляют через Гу-чэнг и Кобдо в Бійек, гдѣ цѣны на Карашарскаго сурка колебались в послѣдніе годы от 60 до 80 копеек за штуку.

До сих пор торгуют только стрѣляют сурка; ни капканов, ни ловли собаками они не знают. При таких условіях добыча шкурок за год не может быть особенно значительной. Когда привьется капкан, на что надѣются нѣкоторые здѣшніе предприниматели, тогда сурок будет добываться в огромном количествѣ а т. к. по склонам средняго Тянь-Шан'я он водится в изобиліи, то сурковое дѣло может занять в нашей торговлѣ в Син-дзянг'ѣ видное мѣсто и привлечь много капиталов.

Торговые и прочіе пути сообщенія, связывающія Карашарскій сейм с сосѣдними округами, вообще говоря, малоудобны. За исключеніем большой трактовой дороги¹⁾ из Урумчи через Токсун на город Карашар, откуда можно проѣхать на колесах вверх по долину Хайтыг-гол'а, всѣ остальные дороги в калмыцкія кочевья представляют вѣчные тропы с болѣе или менѣе трудными перевалами. По направленію с Запада на Восток горные проходы расположены в слѣдующем порядкѣ.

1. Из Си-ху'скаго округа в Дзулдусы существует только одна тропа через перевал Хусту-даба. Из Си-ху'ской равнины втягиваются в горы по руслу рѣчки Улан-усу, поднимаются до ея истоков и переваливают боковой отрог по перевалу Тану; отсюда спускаются в русло рѣчки Цо, по ней поднимаются приблизительно

до ея средняго теченія переваливают слѣдующій боковой отрог и попадают в русло рѣчки Улясуту; в мелководье отсюда идут вниз по Улясуту до слиянія ея с р. Хусту 1-я, переправляются через обѣ рѣчки, переваливают третій боковой отрог, называемый Чинды и попадают в верховья рѣки Манаса, в ущелье рѣки Хусту 2 я, по которой выходят на перевал через главный хребет; в половодье же, спустившись в Улясуту и дойдя до слиянія ея с Хусту 1-я, идут по этой послѣдней до ея истоков и переваливают в ущелье Хусту 2-й через боковой отрог Куруму. От главнаго перевала идут вниз по рѣчкѣ Дунду кельдэ до р. Малаго Дзулдуса без перевалов. Перевал Хусту очень высок, на нем лежит вѣчный снѣг; он проходим только в теченіе 3 лѣтних мѣсяцев.

2. Путь через перевал *Долан Даба* считается коротким из Урумчи в Дзулдусы. От Урумчи до полосы предгорій идут прямо на Запад; предгорья пересѣкают по перевалу Абдыр-нургун. Затѣм, перейдя послѣдовательно 7 второстепенных перевалов, через боковые отроги выходят на главный хребет и, перевалив его, сразу падают в верховья Малаго Дзулдуса. Путь этот очень труден. Им пользуются только скотопромышленники.

3. Вторым по высотѣ послѣ Хусту-даба является перевал Тенгри-даба. Дорога из Урумчи к этому перевалу идет сначала вверх по рѣчкѣ Ту-тунг-хэ до перевала Шара-даба (через боковой отрог); с Шара-даба спускаются в ущелье рѣчки Шара-харгай и для вверх цостой послѣдней выходят к перевалу Тэнгри-даба через главный хребет. Спустившись с перевала нѣкоторое время идут по рѣчкѣ Улубтыггол, затѣм переходят через боковой отрог по перевалу Асхити-даба в сосѣднее ущелье рѣчки Бургасуту; по ней идут до слиянія с рѣчкой Хатым-богдо и по Хатым-богдо до р. Балганту, гдѣ находится ставка Хана. На перевалѣ Тэнгри-даба лежит вѣчный снѣг. Он бывает открыт для движенія только лѣтом.

Самым доступным перевалом через Тянь-Шань, которым пользуются, когда идут из Урумчи в ставку хана и в Дзулдусы, является *Нурту-даба*. Дорога к этому перевалу на сѣверной сторонѣ имѣет три развѣтвленія, сходящіяся в вершинѣ рѣчки Алгу. Каждое развѣтвленіе пересѣкает предварительно один или нѣсколько боковых отрогов по второстепенным перевалам и уже послѣ этого выходят к мѣсту соединенія. По направленію с Запада на Восток развѣтвленія расположены в слѣдующем порядкѣ:

а) *Путь через перевал Гурту-Даба*. Из Урумчи входят в горы по ущелью рѣчки Ши-ши-гоу; затѣм, постепенно склоняясь к востоку, послѣдовательно переходят смежныя ущелья Да-бан-гоу и Да-шэнг-гоу; по рѣчкѣ Да-шэнг-гоу идут до слиянія с рѣчкой Гурту, по которой выходят на перевал Гурту даба. С перевала спускаются в рѣчку Цакуртай и, перевалив через боковой отрог, попадают в вершину рѣчки Убурій-гол'а; отсюда переходит в рѣчку Бурукчин-гол и переваливают в ущелье р. Шарга по перевалу Кекэ-даба. По Шарга поднимаются до верховій, подходят к истокам р. Алгау и по ней

¹⁾ Дорога эта официально называется «Нан-зу» т. е. «Южная».

выходят на главный перевал Нурту-даба. Этот путь считается очень трудным; им пользуются главным образом для прогона скота. Зимой через Гурту даба не ъздят.

б) *Путь через Шарга-Гол.* От Урумчи ъдут, так называемой, «торгутской» тропинкой мимо ключа Чинак-булык через урочище Хара-удзур, откуда направляются прямо на юг в долину р. Убуринг-гол'а. По этой р'ьчкѣ идут вверх около 8 верст до бокового ущелья Дабан-сала; по ущелью поднимаются до его вершины и переваливают в долину р. Шарга, в которую спускаются по ущелью Усутай-сала. Затѣм вверх по р'ьчкѣ Шарга идут до соединенія с тропинкой через Гурту-даба, переходят в верховья р. Алгу и достигают главнаго перевала Нурту. Дорога через Шарга-гол доступна в течение всего года; по ней можно ходить на верблюдах.

в) *Путь через Теке-даба.* 1) Как и по тропинкѣ через Шарга-гол от Урумчи идут сначала до урочища Хара-удзур; затѣм, постепенно склоняясь к Ю.-В., достигают долины Убуринг-гол'а; переправившись через р'ьчку Убуринг-гол, вступают в каменистое боковое ущелье, лишенное всякой растительности. На протяженіи 5—6 верст под'ем почти незамѣтен и можно ъхать рысью. Выше под'ем болѣе чувствителен. Ущелье суживается. Встрѣчающіяся на пути скалы образуют частые уступы, по которым поднимаешься как по ступенькам; склоны ущелья постепенно теряют свой мертвенный характер и на них появляются кормовыя травы. Под самым перевалом крутизна очень значительна. На под'ем от Убуринг-гол'а до перевала тратится около 2¹/₂ часов (на лошадях). От перевала тропинка идет прямо на Запад вверх по горной долинкѣ, мягкой характер которой представляет поразительный контраст с предыдущей частью пути. Долина проходит по самому хребту отрога Теке и дѣлает его как бы двойным. Она носит названіе Текейн-хутасу. Вверх по ней нужно идти около 4 верст до самой ея вершины; затѣм слѣдует травянистая сѣдловина и тропинка переходит на южную сторону отрога. (Сѣдловина является высшей точкой на всем пути.) Сначала она круто спускается по каменистому ущелью, постепенно уклоняясь к З.; затѣм переѣзжает два смежных второстепенных ущелья, дѣлая таким образом еще два перевала; под'емы и спуски этих перевалов сильно круты; тропинка идет по ним зигзагами, обходя скалистые выступы; особенно крут и длинен послѣдній спуск в долину р. Алгу; тропинка извиляется по нему буквально как змѣя, дѣлая ежеминутные короткіе зигзаги, которых в общей сложности набирается до 70. Спускаться надо с большой осторожностью; это самая трудная часть пути. Сбѣжав с отрога, тропинка выходит к слиянію р.р. Шарга и Алгу, переправляется через них и идет вверх по Алгу до перевала через главный хребет.

Из всѣх описанных перевалов разработан только Теке; разработан, конечно, настолько, чтобы по нему можно было двигаться. Теке открыт круглый год; ъзда возможна на лошадях и

верблюдах; через Теке-даба отправляется большинство торговых караванов.

Пути через три описанных перевала, как упоминалось выше, сходятся в верховьях р. Алгу; отсюда идет уже одна общая тропинка через главный хребет по перевалу Нурту-даба.¹⁾ Перевал этот имѣет вид обширной открытой сѣдловины; в серединѣ ея лежит небольшое озеро, присутствіем котораго об'ясняется и самое названіе перевала («нурту» по калмыцки значит «с озером»). Нурту — самый доступный из перевалов через снѣговой хребет Тянь-шан'я в описываемом районѣ. Он очень невысок (не выше 7.000 футов)²⁾ и открыт круглый год.

Перевалив через Нурту-даба тропинка сбѣгает в открытую травянистую долину, называемую Кошо-цаган-сала и, пер'идя по ней в западном направленіи около 4 верст, послѣдовательно переходит двѣ смежныя долины — Уоясутай-цаган и Бургасуту-цаган. В послѣдней она соединяется с тропинкой, пришедшей через перевал Тэнгри-даба и вмѣстѣ с нею выходит к ставкѣ хана на р. Балганту.

Тропинками, ведущими из Урумчи через перевалы Тэнгри-даба (3-й) и Нурту-даба (4-й), можно проѣхать не только в ставку хана, но и в Дзулдусы. В этом случаѣ, достигнув р'ьчки Бургасуту и пройдя по ней до ея слиянія с р. Хатым-богде, идут вверх по этой послѣдней в западном направленіи через урочище Цаган-нур и перевал (через боковой отрог) Дзагаса у, откуда попадают в Дзулдусы.

5. Когда из Урумчи ъдут через горы прямо в гор. Карашар, то пользуются перевалом *Ике-Ззурумту*. Сначала направляются по упомянутой выше «торгутской» тропинкѣ, затѣм, не доходя ключа Чинак-булык, уклоняются к востоку и, перевалив через небольшой перевал Сумту, попадают в долину р. Алгу. Отсюда поднимаются на главный хребет. Перевалив Ике-дзурумту спускаются в кочевья хошутов, в мѣстность Цаган-тунге, откуда выходят на равнину и достигают главной трактовой дороги за 2 станціи до г. Карашара.

Всѣ пять перечисленных перевалов лежат на главных путях, связывающих Карашарскій округ и Карашарское ханство с Ди-хуа'ской (Урумчійской) областью и Си-ху'ским приставством; кромѣ них есть еще 6 горных проходов через главный хребет Тянь-шан'я, имѣющій уже чисто мѣстное значеніе. Всѣ эти проходы расположены между Нурту-даба и Ике-дзурумту; они связывают долину р. Алгу с хошутскими кочевьями, лежащими по южному склону хребта. В направленіи с З. на В. проходы идут в слѣдующем порядкѣ: 1) Борогийн-даба, 2) Найтын-даба, 3) Ташиха-даба, 4) Уластай-даба, 5) Дзурумту-даба и 6) Шагдан-даба; всѣ проходы доступны в теченіе цѣлаго года за исключеніем Борогийн-даба, который зимою закрывается; на верблюдах можно ходить только через Ташиха-даба.

Наконец, остается упомянуть о двух кочевых тропинках в Дзулдусы из ставки хана и из города Карашара. Первая идет параллельно

1) Пройден в настоящую экскурсію.
2) На озерѣ мы видели стаю диких уток — чирков.

1) Пройден в настоящую экскурсію.

линии главного хребта, пересекая бесконечный ряд боковых отрогов; она называется «Далан-даба», т. е. 70 перевалов. Ею направляется вверх по долине р. Хайтык-гол'а, затѣм, войдя в горы, оставляет рѣчку, и по прямому направлению через очень высокій и трудный перевал Куку-даба проходит в Дзулдусы.

Заканчивая настоящий очерк, считаю долгом сказать нѣсколько слов о постепенном захватѣ земель Карашарскаго сейма, о неприятностях, создаваемых для кочевой администраціи приплывшим населеніем, и о тѣх притѣсненіях, которыя приходится испытывать кочевникам за послѣднее время со стороны китайских властей.

Систематическое занятіе китайскими пахарями земель, принадлежащих кочевникам — явленіе общее в Западном Китаѣ. Прежде всего его нужно разсматривать как неизбежное, естественное послѣдствіе колонизаціоннаго движенія китайцев, вызываемаго чрезмѣрной плотностью населенія во Внутреннем Китаѣ, — а затѣм нужно добавить, что в частности колонизація Монголіи за послѣднее время регулируется правительством и сдѣлалась одним из приѣмов его внутренней политики.

Юридически колонизація эта нелегальна, т. к. до сих пор еще не отмѣнен изданный в годы правленія Цян-лунг закон, в силу котораго все монгольскія земли являются общинной собственностью кочевников, не подлежащею отчужденію в каком бы то ни было видѣ и в чью бы то ни было пользу. Но это только чистая теорія. На дѣлѣ закон всегда обходился и захват земель происходил и происходит без всяких серьезных трений. В сѣверной Монголіи практика выработала слѣдующіе приѣмы. Крупная китайская фирма в Ургѣ, Калганѣ, Долон-норѣ или другом пунктѣ открывает свое отдѣленіе гдѣ нибудь около ставки хошуннаго князя, предварительно заручившись, конечно, разрѣшеніем мѣстных кочевых властей; послѣднее пріобрѣтается единовременным денежным взносом и поддерживается затѣм періодическими взятками. Возникшая таким образом степная лавка быстро расширяет свои операціи, и, в свою очередь выдѣляя из себя болѣе мелкія, иногда временныя лавки; в различных мѣстах хошуна один за другим появляются склады товаров или «сурин'ы», время от времени проявляющіе самостоятельную дѣятельность. Когда таким образом китайцы прочно водворятся в хошунѣ, они начинают заводить пашни в тѣх районах, гдѣ почва и условія мѣстности благоприятствуют земледѣлію. Обыкновенно первыя пашни в видѣ небольших огородов, обслуживающих личныя нужды китайских торговцев, устариваются вблизи «сурин'ов» на участках, негласно арендованных у хошуннаго начальства; постепенно огород разрастается и рядом с ним появляются хлѣбныя поля; около одной лавки возникает другая, буквально повторяющая все вышеуказанныя приѣмы и мало по малу хошун начинает пестрѣть китайскими пашнями. К этому времени большая часть хошуннаго населенія успѣвает войти в долги китайским торговцам и на помощь колонизаторам приходит денежное закрѣпощеніе кочевников, которые предпочитают мириться с захватом их земель и мол-

чать, чтобы только не обострить отношеній с кредиторами, могущими в случаѣ протеста сразу потребовать уплаты всех долгов и разорить хошуно.

Процесс захвата земель в Карашарском сеймѣ происходит нѣсколько иначе. Как и в Монголіи, ему предшествует появленіе в кочевьях китайских торговцев, но эти послѣдніе не являются, во-первых, представителями болѣе или менѣе крупных фирм и во-вторых, не стремятся водвориться на калмыцких землях с такой расчитанной послѣдовательностью, т. к. база их — город Карашар — находится по близости, почти в самых кочевьях. С другой стороны, самая колонизаторская дѣятельность их гораздо грубѣе и рѣшительнѣе: они не дожидаются массоваго денежнаго закрѣпощенія кочевников, а, пріобрѣтая среди них 2-3 десятка кліентов и раздав им серебро и товаров под различное сырье с условіем сдачи его через болѣе или менѣе продолжительные сроки, уже устраивают пашни, проводят араки и строят фанзы. На протесты мѣстных властей они отвѣчают, что уѣдут из кочевій тогда, когда соберут свои долги и получат вознагражденіе за произведенныя ими работы и воздвигнутыя постройки. Такая безцеремонность в образѣ дѣйствій, граничащая с наглостью, об'ясняется только тѣм, что за спиной китайских торговцев и пахарей стоит китайская администрація, готовая во всякое время поддержать их интересы. На ряду с этим дѣло не обходится, конечно, без взяток князьям и старшим чиновникам.

Китайскія пашни впервые появились в кочевьях около 20 лѣт тому назад; все время захватываются самыя удобныя для обработки земли по Хайтык-гол'у. Колонизація кочевій китайцами очень глубоко затрагивает интересы калмыков: бѣднѣя из года в год, они начинают все больше и больше заниматься хлѣбопашеством; будущее преуспѣяніе их на этой почвѣ при массовом переходѣ от скотоводства к сельскому хозяйству заранѣе подрывается совершающимся теперь захватом земель.

Другое зло, с которым безуспѣшно борется кочевая администрація, представляют мелкіе торгаша-корабейники-китайцы, дунгане и сарты пріѣзжающіе в кочевья с разными грошевыми товарами под видом скупщиков сырья и занимающіеся главным образом тайной продажей водки. Торговцы эти стараются держаться около ханской ставки и кумирен и обыкновенно кочуют вмѣстѣ с ними. Живут они в юртах или даже палатках и торгуют мелочами. Иногда в юртѣ не видно никакого товара, кромѣ нѣскольких пачек спичек и разной мелочи, но зато гдѣ нибудь в укромном мѣстѣ непремѣнно стоит огромная корчага с китайской водкой. Почти все торгаша пьют. Благодаря близкому сосѣдству продавцов водки, в монастырѣ развито страшное пьянство.

Ханы неоднократно старались избавиться от сосѣдства торгашей и с этой же цѣлью перенесли свои ставки. Нынѣшняя ставка по сч ту четвертая. Она расположена в узком ущельѣ рѣчки Балганту, в котом ниже дворца на дорогѣ из Карашара выставлен пост для наблюденія за пріѣзжающими торговцами и досмотра

их товаров; постовым вмѣнено в обязанность никого с водкой не пропускать. Однако, мѣры эти безсильны — во всякое время у всѣх торговцев близ дворца можно достать какое угодно количество водки.

Как то раз нынѣшній хан рѣшил покончить со злом одним ударом: он приказал выдворить всѣх мелких торговцев и запретить им впредь показываться в кочевьях; торговцы объявили, что подчиняются распоряженію, но просят сначала взыскать в их пользу с кочевников старые долги. Хан сказал, что заплатит все немедленно и потребовал документы. Торговцы принесли ему массу старых книг и расписок, в которых пришлось разбираться очень долго. Когда прикинули итог, то получилась весьма солидная сумма в нѣсколько десятков тысяч лан. Дѣлать было нечего. Хан не мог измѣнить своему слову и заплатил всѣ долги. (Платеж этот, конечно был немедленно разложен на сумуны.)

С пол-года торговцев не было видно, но затѣм мало-по-малу они стали появляться вновь. Сначала потихоньку, крадучись, потом открыто, и в настоящее время около ханской ставки их ютится уже человек 15 и они по прежнему торгуют водкой.

Противодѣйствіе кочевой администраціи захвату калмыцких земель и борьба с наплывом в кочевья торговцев были бы гораздо успѣшнѣе, если бы на сторону калмыков стали китайскія власти. Но этого нѣтъ, т. к. существующія между китайскими чиновниками и сеймом отношенія оставляют желать много лучшаго. Дѣятельность представителей китайскаго правительства направлена совсѣм не в сторону охраненія интересов кочевников. Политика кульджинских дзянг-дзюней, в вѣдѣніи которых находятся калмыки, послѣдовательно достигла того, что в настоящее время компетенція сейма карашарских князей — призрачна. Только назначенія и перемѣненія чиновников зависят от этого сейма, всѣ же остальные дѣла по личному усмотрѣнію рѣшаются дзянг-дзюнями и в их руках состав сейма лишь послушное орудіе.

Бывшій кульджинскій дзянг-дзюн г. Чанг, недавно назначенный шанганским генерал-губернатором,¹⁾ эксплуатировал это положеніе в свою пользу и постоянно злоупотреблял властью над кочевниками, преслѣдуя личныя матеріальныя выгоды. Он производил в карашарских кочевьях самыя широкія торговля операціи на самых недобросовѣстных началах. Главным его коммерческим пріемом была принудительная раздача чаев, практикуемая нынѣ в Синг-дзянгѣ среди всѣх кочевников. Ежегодно сейм получал от дзянг-дзюня партію кирпичнаго чая; чай этот предлагалось раздать отдѣльным лицам, обязав их к назначенному сроку доставить в уплату за полученный чай определенное количество сырья или скота. Чай расценивался при этом баснословно дорого и вся операція носила таким образом характер явнаго вымогательства. В послѣднее время дзянг-

дзюн перешел всякія границы и положеніе торговли стало крайне тяжелым.

Причиною этого явилось совершенное ханом преступленіе. Одним из хошунов завѣдывал гудза по имени Мункэ. Это был очень умный человек, пользовавшійся широкой популярностью. По личной злобѣ его оклеветал перед ханом бывший ханскій воспитатель нѣкто Чакдур, обвинившій Мункэ в стремленіи захватить в свои руки власть. Как ни нелѣпо было это обвиненіе — тѣм не менѣе подозрительный хан повѣрил ему. Он вызвал Мункэ во дворец и там казнил его. Мункэ был повѣшен. Хан объявил, что Мункэ умер скоропостижно. Никто не повѣрил этому и пошли слухи о насильственной смерти. Молва дошла до дзянг дзюня. Послѣдній потребовал от хана объясненій. Реабилитировать себя вполне хану не удалось и с тѣх пор вплоть до своего назначенія генерал-губернатором г. Чанг держал хана под угрозой начать слѣдствія по дѣлу о смерти Мункэ гудза, и хан был вынужден мириться с торговыми операціями дзянг-дзюня, чтобы только купить этим его молчаніе. Преемник г. Чанга, вѣроятно, будет продолжать его политику.

Другим крупным китайским чиновником, с которым торгутам постоянно приходится имѣть дѣло, является ян-джи-фу, т. е. начальник Карашарской области. К числу обязанностей, возложенных на этого чиновника, относится разбор смѣшанных дѣл между осѣдлым населеніем и кочевниками. При оживленных сношеніях жителей г. Карашара с торгутами дѣла эти возникают очень часто. Разбирая дѣла ян-джи-фу всегда старается принять сторону своих людей, в большинствѣ случаев постановляет рѣшенія в их пользу и нещадно бьет торгутов палками. Торгуты боятся его, как огня, и готовы дать какую угодно взятку, чтобы только потушить начатое дѣло. Сами они к ян-джи-фу никогда не обращаются. Для сношеній ян-джи-фу с ханской канцеляріей к нему прикомандированы три калмыцких чиновника: дзалан, переводчик и писец; послѣдніе трепещут перед ян-джи-фу и считают его всесильным. Ян-джи-фу кичится своими полномочіями и постоянно третирует хана. Нынѣшній ян-джи-фу человек очень жестокой. Недавно, разбирая ничтожное исковое дѣло о нѣскольких ланах между каким то китайцем и одним из тогутских дзянг, он приказал бить послѣдняго; было нанесено около 3.000 ударов и несчастный дзянг умер во время пытки. Хан обратился по этому дѣлу с жалобой в Пекин. Отношеніе между ян-джи-фу и ханом окончательно испортились послѣ открытія в г. Карашарѣ «пи-мао-гунг-со» — конторы для скупки сырья в казну. Ян-джи-фу объявил, что торгуты обязаны все сырье сдавать в это учрежденіе и не имѣют права продавать его в частныя руки. Это взорвало хана и он в свою очередь объявил, что будет налагать штрафы на тѣх кочевников, которые станут вести дѣло с «пи-мао-гунг-со». Кто побѣдит в этой неравной борьбѣ — предугадать не трудно.

1910 г.

Б. В. Долбетов.

¹⁾ Ему подчинены провинціи Шан-си и Син-дзянг.